

Святитель Евфимий, архиепископ Новгородский

К ст. В. А. Никитина «Житие и труды
святителя Евфимия...», сс. 260—306

В. А. НИКИТИН (Москва)

ЖИТИЕ И ТРУДЫ СЯТТЕЛЯ ЕВФИМЛЯ, АРХИЕПИСКОПА НОВГОРОДСКОГО

(К 525-летию со времени преставления)

*«Днесъ воспоем святителя, благочестия наставника,
Церкве столпа непоколебима, источника исцелений не-
исчерпаема, пролитие дарований духовных, великаго же
Новаграда просветителя, и о всех молитвенника теплѣ.
К нему же возопиим: святителю Евфимие, не престай
моляся за души наша».*

Служба иже во святых отца нашего Евфимия,
архиепископа, Новгородскаго чудотворца

Предисловіе.

Православная Церковь и культура в Новгородской земле (X—XV вв.)

Судя по западноевропейским географическим картам середины XV века, Русь «держава сильная, как бы новая для Европы и Азии» (32, т. VI, с. 5), была хорошо известна в Западной Европе. На картах этих, составленных в соответствии с толомеевой традицией (поэтому существенно устаревших), еще изображались Скифия, Сарматия и Гиперборейские горы, но уже различалась Галицко-Волынская Русь с центром во Львове («Русь Красная») от Северо-Восточной Руси («Русь Белая»), указывались наиболее крупные русские города — Москва и Новгород.

«Силен, славен, могуч, горд своею мощію» был в XV веке Великий Новгород: «далеко расширял он пределы своих областей, владел отдаленною Печорою, Мезенью, Пермью, Югрой... Обширностью жилья едва не равнялся он Москве, и более Москве: славился великолепием храмов Божіих» (Николай Полевой. Клятва при Гробе Господнем. М., 1832, глава VII; цит. по: 90, с. 124).

Каждое из русских феодальных княжеств имело в то время своих местнотимых святых, заступников и покровителей, признанных позднее общерусскими:

«Великий Новгород блажит архиепископов Иоанна и Евфимия, Никиту и Иону, и преподобных Варлаама и Савву, и Михаила Клопского. Псков же град блажит блаженных благоверных и великих князей Всеволода и Довмонта. Московское же Русское царство блажит и славит преосвященных митрополитов Петра и Алексия, и Иону, и блаженных Христа ради Максима и Василия, и иных святых. Ростов же блажит и славит епископов Леонтия и Исая, и Игнатия, и Якова, Вассана и Ефрема, и Авраамия, и Сидора блаженного...» (63, с. 144).

Несмотря на пережитки феодальной раздробленности, которые успешно преодолевались в XV веке (то был период образования централизованного Русского государства), Русь была духовно единой уже с X века, начиная с принятия христианства.

«Учения святых отцов Православной Церкви,— отмечает И. В. Киревский,— перешли в Россию, можно сказать, вместе с первым благовестом христианского колокола. Под их руководством сложился и воспитался коренной русский ум, лежащий в основе русского быта. Обширная Русская Земля даже во времена разделения своего на мелкие княжества всегда сознавала себя как одно живое тело и не столько в единстве языка находила свое притягательное средоточие, сколько в единстве убеждений, происходящих из единства верования в церковные постановления» (126, с. 275).

Новгород Великий, принявший Крещение почти одновременно с Киевом, был неотъемлемой частью этого «живого тела» духовно единой Русской Земли.

В русских летописях Новгород впервые упоминается под 859 годом. Город, по преданию, был основан старейшиной племени словен Гостомыслом в средоточии великого водного пути «из варяг в греки». О древнем Новгороде упоминают арабские и европейские историки, а также византийский император Константин Багрянородный (955—959) в своей книге «Об управлении государством».

Первоначально Новгород являлся центром славянских поселений, расположенных вокруг озера Ильмень. Впоследствии он вошел в состав Киевского государства. Новгородский князь Олег (879—912), родом из Рюриковичей, собрав войско из новгородских славян и других племен, покорил Киев и превратил его в столичный град — мать городов русских.

Как крупнейший торговый и ремесленный центр на Руси, Новгород пользовался значительным политическим влиянием.

С Новгородом неразрывно связана история его «младшего брата» Пскова. В исторических документах Псков впервые упоминается под 903 годом. Он возник как сторожевой форпост, чтобы обезопасить русские земли с северо-запада. В течение первых трех веков своего существования Псков зависел от Новгорода: новгородский князь был общим князем и для Пскова, псковские посадники назначались из Новгорода, псковское вече (народное собрание для обсуждения общих дел) внимало голосу веча новгородского. С учреждением в Новгороде архиепископской кафедры, Псков, как и другие севернорусские города — Изборск, Старая Русса, Ладога, — оказался и в церковно-административном подчинении у Новгорода, в пределах одной огромной епархии.

Первым епископом великого Новгорода был, по преданию, святой Иоаким Корсунянин († 1030, память 10 февраля). Родом из Корсуни (греч. Херсонес, ныне в черте Севастополя), где в 987 году крестился великий князь Владимир, епископ Иоаким деятельно помогал ему в деле крещения и просвещения Руси. По инициативе епископа Иоакима в Киеве было основано первое на Руси духовное училище.

В составленной епископом Иоакимом летописи, названной впоследствии Иоакимовской, о крещении Новгорода повествуется под 988 годом. В тот год святой князь Владимир направил в Новгород для крещения его жителей Митрополита Киевского Михаила, епископа Иоакима, других священнослужителей, а также двух воевод — Добрыню Никитича, своего дядю, и Путяту. В Новгороде, судя по Иоакимовской летописи, уже была христианская церковь — в честь Преображения Господня, но большинство горожан оставались язычниками. Они оказали упорное, но безуспешное сопротивление великокняжеским воеводам. Убедившись в беспомощности своих «божеств», новгородцы-язычники вынуждены были отказаться от идолопоклонства. Идолы были истреблены — деревянные сожжены, а каменные брошены в реку Волхов. Тысячи новгородцев приняли крещение.

Митрополит Михаил оставил в Новгороде епископа Иоакима, который продолжил христианское просвещение Новгородской земли. Вскоре он, по преданию, основал в Новгороде первую каменную церковь во имя святых Иоакима и Анны, родителей Пречистой Девы Марии. В 989 году, по благословению Владыки Иоакима, был возведен грандиозный деревянный собор «о тринадцати верхах» в честь Софии — Премудрости Божией, первый Софийский храм на Руси.

После кончины святого князя Владимира († 1015) его сын Ярослав Мудрый, княживший в Новгороде, нанес поражение изменнику Святополку и польскому королю Болеславу. Изгнав поляков из Киева с помощью новгородской дружины, Ярослав стал великим князем Киевским. За помощь новгородцев в освобождении Киева Ярослав даровал Новгороду особые грамоты — так называемые «хартии новгородской вольности». Он перенес в Киев созданный в Новгороде начальный свод «Русской Правды» — первый древнерусский законодательный сборник, драгоценный памятник отечественной письменности, в течение нескольких столетий служивший нашим предкам руководством в судебных делах.

В 1025—1030 гг. Ярослав Мудрый открыл духовное училище в Новгороде, определив в него триста учащихся. Человек по тому времени исключительно образованный, знавший многие языки, он собирал переводчиков и писцов для переписывания и пере-

водов духовных книг, которые передавал библиотеке Киевского Софийского собора (возведен в 1037 г.). Летописцы в похвалу великим князьям святому Владимиру и Ярославу Мудрому писали: «Владимир взорлѣ (вспахал) землю Русскую, Ярослав засеял [ее] книжною мудростию, а мы пожинаем плоды их». Преподобный Нестор Летописец свидетельствует, что Ярослав побуждал переводить «книги многи, ими же лоучахуся вернии», и он же замечает: «И бе Ярослав любѣ церковные уставы».

Сын Ярослава Владимир, с юных лет княживший в Новгороде, унаследовал от отца любовь к наукам и слову Божию. До нас дошли списки переводов нескольких пророческих книг Ветхого Завета с толкованиями, переписанные в 1030—1047 гг. по заказу святого благоверного князя Владимира Ярославича († 1051, память 4 октября). Толкования принадлежат разным отцам и учителям Вселенской Церкви. Переводы на славянский, сделанные с пропусками некоторых стихов и глав, являются драгоценным свидетельством древних славянских переводов Священного Писания. Эти и другие переводы (Псалтирь с толкованием святителя Афанасия Великого, Псалтирь с толкованием блаженного Феодорита, епископа Кирского, Новгородские Минен), а также более ранние переводы Нового Завета и богослужебных книг, осуществленные святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием, свидетельствуют, что еще в глубокой древности русский человек мог читать Священное Писание и богослужебные книги на родном и понятном ему славянском языке*.

Поражает множество древних берестяных грамот, найденных археологами в новгородской земле. Письма на бересте являлись привычным, широко распространенным средством общения; новгородская почта исправно доставляла адресатам тысячи писем — скатанных трубочкой берестяных грамот, с привязанными к ним ярлыками (адресами). (См.: В. Л. Янин. «Я послал тебе бересту...» М., 1965; А. Н. Вигилев. История отечественной почты. Ч. 1. М., 1977, с. 40—46). Новгородские летописи принадлежат к древним русским историко-литературным памятникам. Они легли в основу Воскресенского собрания рукописей, хранящихся ныне в Государственном Историческом музее (Москва). Судя по новгородским летописям, берестяным грамотам, надписям «граффити», по старинным преданиям и былинам, запечатлевшим много конкретных черт древнерусской жизни, грамотность и образованность были широко распространены в Новгороде: и Садко, и Василий Буслаевич, и дружинники этих былинных героев умели читать и писать. Не случайно новгородские летописи просты, безыскусственны и особенно близки к народному языку. Христианская культура шире и глубже, чем в других центрах Древней Руси, проникла здесь в массы населения.

Из памятников церковной литературы XI в. до нас дошло Слово святителя Новгородского Луки († 1060, память 10 февраля). Оно включает в себя краткие правила, которых надлежит придерживаться каждому христианину. Древнейшая русская датированная рукописная книга «Остромиров Евангелие» была написана в Новгороде в 1057 г. диаконом Григорием по заказу новгородского посадника Остромира.

Радостным событием для Русской Церкви в XI в. явилось обретение нетленных мощей святых страстотерпцев князей Бориса и Глеба (1020). Первый монастырь на Руси во имя святых братьев-страстотерпцев был основан в 1038 г. преподобными Ефремом Новоторжским и учеником его Аркадием по благословению святителя Новгородского Луки близ г. Новый Торг (ныне — г. Торжок).

По благословению святителя Луки, святой князь Владимир Ярославич возвел в 1045—1050 гг. в Новгороде каменный Софийский собор. Этот собор, заменивший прежний деревянный (сгоревший в 1049 г.), стал главной святыней Новгорода, его символом. «Где святая София, тут Новгород» — говорили новгородцы (Новгородская летопись, 1215 г.). Софийский собор и донныне поражает своей монументальностью и величием, исполненный мощи и дивной красоты. В его формах сочетаются «строгая сдержанность и живописная свобода, замкнутая сила и раскрытый характер», что составляет не только одну из особенностей древнерусской архитектуры, но и сущность всего уклада жизни Древней Руси. Золотой купол Софийского собора виден издали, венчая новгородский Кремль (Детинец). Голубь на кресте собора как бы напоминает о том, что храм посвящен Софии — Премудрости Божией, незримо осенен благодатью Святого Духа. В конце XII в. архиепископ Новгородский Мартирий построил с южной стороны Софийского собора паперть, которая, как и Корсунская паперть с западной стороны собора, стала служить усыпальницей Новгородских епископов.

Подобно готическим соборам Парижа и Антверпена, Кёльна и Страсбурга, Софийский собор использовался не только для богослужения. Он являлся местом, где

* В то время на Западе только духовенство, знавшее латинский язык, имело непосредственный доступ к источникам христианского просвещения. Большинство европейских народов вплоть до XVI в. не имели переводов Священного Писания на национальные языки.

проходили различные государственные акты и торжественные церемонии, устраивались, например, приемы иностранных послов; здесь размещались библиотека и архив древнего Новгорода, хранились исторические ценности города, образцы мер и весов. Позднее под звон Софии на площади перед собором собралось всенародное вече, устраивались проводы воинов и встречи победителей. Отсюда, получив благословение святителя Спиридона († 1249), уходил в победоносные походы против шведских и немецких рыцарей в 1240—1242 гг. святой благоверный князь Александр Невский. «...Умрем честно за святую Софию...»,—восклицали, согласно летописи, новгородцы, когда готовились к выступлению против иноземных захватчиков.

Почти одновременно с Киевом воздвигаются в Новгороде не только Софийский собор, но и каменные стены «великого города» (1044). В конце XI—начале XII в. строятся храмы и монастыри в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, во имя святого пророка Илии, во имя святого Георгия Победоносца и другие, одноименные с киевскими, в свою очередь повторявшими наименования константинопольских храмов.

Большая заслуга в этом храмоздательстве принадлежит святому благоверному великому князю Мстиславу Владимировичу (в крещении Феодор, † 14 апреля 1132 года), княжившему в юношеские годы в Новгороде. В 1099 году он заложил на Городище близ Новгорода храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. По заказу князя для Благовещенского храма было переписано Евангелие, впоследствии получившее наименование «Мстиславово», драгоценный оклад которого был сделан в Константинополе. В 1114 году князь Мстислав заложил в Новгороде церковь во имя Святителя Николая Чудотворца, а в 1116 году, после успешного похода на чудь, обновил новгородскую крепость—«заложил Новгород больши пръваго».

Сын князя Мстислава святой благоверный князь Всеволод (в крещении Гавриил, † 11 февраля 1138 года) правил Новгородом в 1117—1136 гг. Он, продолжая дело отца, воздвиг в Новгороде множество церквей, среди которых особенно значительны собор во имя святого великомученика Георгия в Юрьевском монастыре и храм во имя Иоанна Предтечи в Опоках. Князь Всеволод Мстиславич даровал льготные грамоты Софийскому собору и другим церквам. Он сделал много доброго для новгородцев. В страшный голод 1126 года, спасая людей от гибели, он употребил на это всю казну.

После неудачного зимнего похода на Суздаль в 1136 году в Новгороде вспыхнул бунт; вече приняло решение об изгнании князя... Киевский князь Ярополк, дядя Всеволода, дал ему в держание Вышгородскую волость под Киевом. В 1137 году жители Пскова призвали князя Всеволода на псковское княжение. Он стал первым Псковским князем, избранным по воле самих псковичей. В Пскове святой Всеволод воздвиг первый каменный храм во имя Живоначалай Троицы, на месте деревянного, построенного святой равноапостольной княгиней Ольгой.

К тому времени (середина XII в.) относится установление в Новгороде республиканского строя, который вскоре приобрел черты феодальной теократии. «Начальником новгородских бояр» стал Новгородский епископ, к которому перешли права и земельные владения князя, а также представительство Новгорода во внешних сношениях (князь оставался военачальником города). С того времени вечевое постановление не имело полной силы без благословения Новгородского святителя. Когда на вече разгорались усобицы, грозившие перейти в вооруженное столкновение, Новгородский епископ выступал с собором духовенства в стан враждующих или на мост через Волхов, разделявший противников, увещевая обе стороны, и водворял мир.

Идеалом удельно-вечевой жизни, наиболее ясным и полным выразителем которой был Новгород, являлась самостоятельность и автономность русских земель, так чтобы каждая составляла самобытное целое в проявлении своей местной жизни и все вместе были бы соединены одною и общею для всех связью. По мнению выдающегося русского историка Н. И. Костомарова (1817—1885), Новгород не являлся каким-то исключением в древнерусском мире, как полагают некоторые. «Его свобода и народоправление не составляли его местного достоинства, недоступного для других земель. То же, что было в Новгороде, существовало везде. Народное собрание, вече, составлявшее главнейшую черту общинного устройства, было общим для русского мира. Летописец XII века, говоря об этом, не отличает новгородцев от других: «Новгороди бо изначала и Смоляне и Княне и Полочане и вси власть аки на думу на вече сходятся» (45, с. 205).

Летописи единодушно свидетельствуют, что роль миротворцев, утверждавших силой Креста и молитвы согласие между соотечественниками, была ценна новгородцами в своих епископах превыше всего. Именно таким миротворцем явился святитель Нифонт († 21 апреля 1156 года, в Киеве, память 8 апреля). Он был поставлен на Новгородскую кафедру из шлюков Киево-Печерской Лавры в 1130 году. Этот прослав-

ленный русский монастырь дал Новгороду и другим святителям, что свидетельствует о нерасторжимой духовной связи Киева и Новгорода. С отрочества отличавшийся кротостью, послушанием и смиреннием, святой Нифонт был выдающимся проповедником, ревностно заботился о добродетельной жизни пасомых, внушая им не удаляться от Закона Божия и Предания Церковного.

Судя по «Вопрошаниям» выдающегося древнерусского математика перодиакона Кирика к епископу Новгородскому Нифонту (этот памятник сохранился в Новгородской Кормчей 1280-х годов), Владыка Нифонт был строгим поборником и ревностным блюстителем церковного благочиния, знатоком «Церковных правил святого Тимофея», «Номоканона Иоанна Постника» и других канонических трудов. К святителю Нифонту обращались за разрешением различных вопросов церковной жизни современные ему епископы и другие лица.

В Пскове почетом святителя Нифонта был возведен Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря — древнейший из всех сохранившихся архитектурных памятников Пскова, расписанный замечательными фресками.

При святителе Нифонте и его преемниках новгородцы просвещали светом веры Христовой соседние финские племена. В 1174 году несколько сотен новгородцев направились в Вятскую землю, где утвердили православную веру и построили город Хлынов (впоследствии — Вятка, ныне — Киров) с храмом в честь Божией Матери. Примерно в то же время (XII в.) новгородские поселенцы основали несколько монастырей далеко на севере, на берегах Двины. Так осуществлялось апостольское призвание Новгородской Церкви. Бесконечные просторы Новгородской земли — от озера Ильмень до Балтийского и Белого морей — украсились множеством монастырей и скитов.

После кончины святителя Нифонта следующий Новгородский епископ — Аркадий (1157—1162, память 18 сентября) вследствие неустойчивости в Киевской митрополии был назначен не Киевским Митрополитом, как обычно, а избран из новгородских игуменов. С тех пор все святители Новгородские, хотя принимали хиротонию в Киеве, но избирались самими новгородцами на вече. Избрание их решалось большинством голосов или жребием. Епископы избирались преимущественно из лиц духовных. Так, епископы Иоанн († 1186), Григорий († 1193) и Василий († 1352) были избраны из приходских священников. Епископы Климент († 1299) и Давид († 1325) — из архиепископских духовников. Епископы Антоний († 1231), Арсений († 1229), Симеон († 1421), Евфимий II († 1458) и Иона († 1470) — из простых монахов, а епископ Феофил († 1480) — из диаконов.

Благодаря усилению Новгородской Церкви, святитель Иоанн († 1186, память 7 сентября) был возведен в 1165 году в сан архиепископа. С тех пор Новгородская кафедра стала архиепископией.

По молитвам святителя Иоанна, заступлением Пресвятой Богородицы чрез Ее чудотворную икону «Знаменис» (греч.—«Оранта», т. е. «Молящаяся») совершилось чудесное спасение Новгорода от нашествия суздальцев 25 февраля 1170 года. В память об этом событии Владыка Иоанн установил праздник, который ежегодно с того времени совершается 27 ноября (ст. ст.) и имеет особую службу. Изображение Знаменья Божией Матери появилось тогда на печати Новгородских епископов, впоследствии — на печатях Киевских и Московских Митрополитов. Летописное «Сказание о Знамении от иконы Богородицы» (XII в.) было в XV в. переработано в «Похвалу Знамению» (два канона) выдающимся агнографом и церковным писателем перомонахом Пахомием Логофетом Сербом*, прибывшим на Русь с Афона и несколько лет жившим в Новгороде. Пахомию Логофету принадлежит много Житий и похвальных Слов русским святым, в том числе святителю Новгородскому Евфимию († 1458, память 11 марта) (об этом подробнее ниже).

Как и другие Новгородские святители, Владыка Иоанн стремился утишать и смирять междоусобицы на Руси. В 1172 году он поехал во Владимир, где добился примирения благоверного князя Андрея Боголюбского с новгородцами.

Святитель Иоанн, будучи замечательным церковным проповедником, оставил около 30 поучений: о Крещении, Исповеди, Святой Евхаристии и другие. Наставления святителя Иоанна исполнены духовного величия. Замечательны его наставления монашествующим: «Инок должен быть всегда иноком во всякое время и во всяком месте — и во сне и в бодрствовании сохранять память о смерти и во плоти быть бесплотным». Вероятно, ему принадлежит перевод на славянский язык Монастырского устава преподобного Феодора Студита, выполненный для новгородского Богородичного Антониева монастыря. Этот монастырь был основан преподобным Антонием Римлянином († 3 августа 1147 года, мощи обретены 1 июля 1597 г.).

* Точные даты рождения и кончины неизвестны; умер в конце XV века

В XIII веке Новгород был самым большим русским городом, что подтверждается совокупностью исторических и археологических данных. Торговые связи Новгорода простирались далеко на Восток, через Золотую Орду, и далеко на Запад, через Ревель (ныне Таллин), Ригу, Любек, Бремен и другие города, вместе с которыми Новгород входил в Ганзейский торговый союз. Благоустройство Новгорода, в частности устройство мостовых и водопровода, опережало развитие многих городов Западной Европы. Красота и богатство новгородских художественных памятников позволили называть Новгород и «русской Равенной», и «русской Флоренцией», и «русской Мистрой» (85, с. 9).

Новгород и Псков были связаны с Европой не только торговыми, но церковными и культурными связями. Паломничества новгородцев в Константинополь и во Святую Землю были типичным явлением. Эти паломничества породили своеобразный литературный жанр — так называемые «хождения», из которых наиболее известно «Сказание о святой Софии в Царьграде» (XII в.), «Книга паломник» (1200—1204), «Повесть о взятии Царьграда» (1204), «Хождение Стефана Новгородца» (1348—1349) и другие.

В 1282 году, по воле епископа Новгородского Климента († 1299), была составлена полная Новгородская Кормчая и положена в Софийском соборе «на почитание священникам и на послушание христианам».

В начале XIII века новгородские люди продолжали алопольские труды на огромных просторах своей земли. Миссия из священников, отправленная Новгородским князем Ярославом в 1227 году, крестила карелов, которые издавна были подвластны Новгороду и расположены к принятию христианства.

Монголо-татарское нашествие на Русь поставило Новгород в вассальную зависимость от Золотой Орды, затормозив дальнейшее развитие этого культурно-исторического центра.

Но и в этот период значение Новгорода и Пскова для всей Русской земли исключительно. Князь Новгородский Мстислав Мстиславич Удалой († 1228), защищавший русские земли от кочевников, немецких рыцарей, поляков и венгров, являлся организатором выступления русских князей в союзе с половцами против монголо-татар и в битве на Калке (1223) возглавил передовой отряд русского войска. Полчища хана Батые, ослабленные в борьбе с русскими княжествами, не дерзнули вступить в борьбу со свежими силами новгородцев и псковичей. Они повернули вспять, не дойдя до Новгорода. Святой благоверный князь Новгородский Александр Невский († 1263) отстоял западные границы Русской земли.

Получив благословение новгородского архиепископа Спиридона († 1249), он нанес решительное поражение шведскому военачальнику Биргеру в Невской битве 1240 года. В 1242 году новгородцы под предводительством святого Александра Невского освободили от немецких рыцарей Псков, разгромили их на льду Чудского озера в знаменитом «Ледовом побоище». Таким образом была предотвращена угроза раздела Руси между западными и восточными завоевателями.

Понимая народный защитник, святой князь Александр Невский по достоинству стал великим князем всей Руси: Новгородским, Владимирским (на Клязьме) и Киевским.

В 1274 году во Владимире на Клязьме состоялся Церковный Собор под председательством Митрополита всея Руси Кирилла († 1280), на котором были и представители новгородского духовенства. Собор способствовал укреплению единства Русской Церкви, имел важное значение для подготовки национального и государственного возрождения Руси в конце XIII века. Древнерусская «Кормчая» и «Правила» Митрополита Кирилла, наставника и сподвижника святого Александра Невского, принятые на Соборе, заложили духовные основы единения Новгорода, Киева, Владимира и других русских городов.

Достойным продолжателем святого Александра Невского явился святой благоверный князь Псковский Довмонт, в крещении Тимофей († 1299, память 20 мая). Святой Довмонт прославился как благочестивый христианин и доблестный полководец, не раз спасавший Псков от нападений Литвы, датских и немецких рыцарей. Князь Довмонт поднимал псковичей на защиту Родины словами: «Добрые мужи псковичи! Кто из вас стар, тот мне отец, кто молод, тот брат. Постойм за Святую Троицу!» В благодарность Господу, Именем Которого он одерживал победы, не зная поражений, святой благоверный князь Довмонт-Тимофей возвел рядом с псковским Кремлем множество храмов в честь тех святых, в дни памяти которых одерживал победы.

В первой половине XIV века русские княжества стали постепенно оправляться от монголо-татарского опустошения, возобновлять и укреплять свои церковные связи. В Новгородской летописи XIV века под 1347 годом помещено «Послание архиепископа»

на Новгородского св. Василия ко Владыке Тверскому Феодору», известное в истории русской литературы под названием «Послание о рае». В нем изложены, с ссылками на Священное Писание, представления об аде и земном рае, распространенные в христианском средневековом мире. Возобновились и связи Новгорода с Византией.

Этот процесс особенно усилился после славной победы русских на Куликовом поле (1380). Характерно, что русские памятники того времени по преимуществу новгородского и псковского происхождения.

В 1346 году Псков приобрел независимость от Новгорода, но остался в его церковном подчинении (вплоть до 1589 г., когда была учреждена Псковская епархия). Отстояв свой суверенитет в борьбе с ливонскими рыцарями в первые десятилетия XIV века, Новгород вступил в полосу нового расцвета. Сохранились замечательные памятники новгородского зодчества XIV века: храм во имя святого Феодора Стратилата (1361), церковь Спаса на Ильине (1378), церковь во имя святого великомученика Димитрия Солунского (1383), Покровский храм (1399) и другие.

Среди книжного наследия Новгорода и Пскова XIV—XV веков известны различные списки Пролога, Пален, учительных сборников, вроде Измарагда и Златой Цепи, в которых содержатся избранные места из творений святых Иоанна Златоуста, Василия Великого, Ефрема Сирина и других отцов Церкви. В росписях новгородских иконописцев того времени заметно влияние византийского искусства, например в знаменитых фресках Феофана Грека и его учеников, создавших оригинальную школу новгородской иконописи. В XIV—XV веках Новгород и Псков достигли наивысшего расцвета. Книжная миниатюра и книжный орнамент, резьба по дереву, кости и камню, металлическое литье и бронзовая скульптура, церковная музыка и пение — во всех этих видах искусства новгородцы создали шедевры, вошедшие в сокровищницу русской и мировой культуры*.

Святитель Евфимий, архиепископ Новгородский († 1458), жил именно в этот период истории Новгорода, непосредственно предшествовавший присоединению Новгорода к централизованному Русскому государству со столицей в Москве (1478). Безусловно, он был поборником сильного и могущественного Великого Новгорода, с его самостоятельным укладом жизни, замечательными народными традициями и самобытной культурой. Изучение летописей и других источников позволяет заключить, что святитель Евфимий в то же время ясно видел историческую перспективу, понимал необходимость и закономерность присоединения Новгорода к Москве; он не только не противился этому (а такой взгляд неоднократно высказывался, зачастую без серьезной и, к сожалению, вообще без какой-либо аргументации), но, наоборот, предпринял ряд практических шагов, как будет показано ниже, содействовавших сближению с Москвой, образованию и укреплению единой Русской державы.

Здесь же следует сказать, что у святителя Евфимия были как достойные предшественники, так и достойные преемники, — положившие исмало трудов для создания единого централизованного государства со столицей в Москве. Выдающимся церковным и государственным деятелем, сторонником единства Новгорода и Москвы, был еще святитель Василий, архиепископ Новгородский († 3 июля 1352); он был весьма дружен с великим князем Московским Иваном Калитой (1325—1341) и с Митрополитом Московским Феофаном († 1353).

Преемник святителя Евфимия святитель Иона, архиепископ Новгородский (1458—1470), пользовался искренним расположением и глубоким уважением со стороны великого князя Московского Василия II (1425—1462), жизнь которого спас, обличив заговорщиков (62, с. 276—277).

Святитель Иона в пророческом вдохновении предсказал окончательное освобождение Русской земли от татаро-монгольского ига, имеющее свершиться при сыне Василия III «Государе всея Руси» Иване III (1462—1505).

Другой преемник святителя Евфимия святитель Феофил († 1480, память 28 августа) отказался поддержать противников Москвы (группу новгородских бояр во главе с посадницей Марфой Борецкой) и запретил новгородцам поднимать руку на великого князя Московского (62, с. 313). Нет сомнения, что это обстоятельство сыграло немаловажную роль в присоединении Новгорода к Москве.

Замечательно, что через два года после этого исторического свершения объединенная Русская держава с помощью чудесного предстательства Пресвятой Богородицы («стояние на Угре») сумела окончательно освободиться от татаро-монгольского ига (см.: «ЖМП», 1980, № 12, с. 72—78). Всестороннее и весьма активное участие выдающихся церковно-общественных деятелей Руси, в том числе новгородских святителей, в освобождении и возрождении отечества является неотъемлемым достоянием

* См.: Никитин В. А. Вступительная статья, посвященная Новгородской и Псковской Руси. — Православный церковный календарь на 1983 год. М.: изд. Московской Патриархии, 1982, с. 2—3.

русской истории: «Православной Церкви много обязана Россия и своим освобождением от ига татарского... Если бы даже последующие события не вызвали ее на новые величайшие подвиги для Отечества, если бы с тех пор вся ее деятельность ограничивалась одним только ей свойственным служением Отечеству,— словом учения, Богослужением,— и тогда мы должны были бы признать, что она есть величайшая охранительная сила народа русского от всякого внешнего насилия и порабощения» (Ф. *Надеждин*. Влияние веры и Церкви Православной на судьбы Отечества нашего в минувшем тысячелетии.— «Христианское чтение», 1863, ч. 1, с. 9, 11; цит. по: «ЖМП», 1980, № 12, с. 76).

«В деятельности святителя Евфимия,— справедливо отмечает доктор исторических наук В. И. Бернадский,— можно видеть предвзвешенное (в новгородском масштабе) того, что в XVI в. было осуществлено (уже в общерусском масштабе) митрополитом (Московским) Макарием» (96, с. 243) ¹.

Глава 1

Жизнеописатель святителя Евфимия — Пахомий Логофет (Серб) и его творения

Выходец из Сербии, Пахомий Логофет принял сан перомонаха и получил духовное образование в средоточии южнославянского просвещения XV века — на Святой Горе Афон, почему и получил еще в древности прозвание Святогорец (73, с. 11).

На свое сербское происхождение указывает сам Пахомий, называя себя *Сербином* в послесловии к житию святителя Евфимия Новгородского (в списке ркп. Погод. № 851, л. 358 об.).

«Средневековый книжный человек думал об общем, о всем мире, очень часто ощущал себя частью большого мира, не замыкался пределами своей местности, переходил из княжества в княжество, из монастыря в монастырь, из страны в страну. «Гражданин горнего Иерусалима», Пахомий Серб работал в Новгороде и Москве» («Художественное наследие Древней Руси и современность». М., 1971, с. 67).

Совокупность свидетельств позволяет заключить, что Пахомий Логофет пришел из Русь со Святой Горы Афон не моложе 30 лет и, поселившись в Новгороде не позднее 1438 года, при дворе святителя Евфимия, начал здесь свою литературную деятельность ¹.

В то же время близ Новгорода (в Вознесенском монастыре, в 7 верстах) проходил иноческие подвиги преподобный Савва Вишерский († 1461, память 1 октября). Уроженец Тверской земли, он за несколько лет до того побывал на Афоне и привез со Святой Горы в Новгород богослужебные книги *.

Другой новгородский святой преподобный Арсений Коневский († 1447, память 12 июня) дважды был на Афоне. Интересно отметить, что он принял постриг и подвизался 11 лет (в конце XIV века) в Лисницком (Лисичьем) Рождество-Богородицком монастыре, где впоследствии был игуменом святитель Евфимий. Эти факты подтверждают, что между Новгородом и Святой Горой Афонской в XIV—XV вв. существовали постоянные связи, паломничество новгородцев на Афон было распространенным явлением. «Никому неизвестный Пахомий Серб был милостиво принят владыкой Великого Новгорода Евфимием» (73, с. 15).

В Новгороде, при дворе святителя Евфимия, по его благословению, Пахомий Логофет написал службу и «Слово похвальное» преподобному Варлааму Хутыньскому († 1192, память 6 ноября) (включены в Служебную книгу в 1438 году, см. 49, с. 119), а также службу Знамению Божией Матери в Новгороде. Здесь же, по всей вероятности, Пахомий написал житие преподобного Варлаама Хутыньского и похвальное слово Знамению Божией Матери в Новгороде.

История написания Пахомием Логофетом Жития преподобного Варлаама Хутыньского, по мнению современного исследователя Л. А. Дмитриева (113, с. 28—31), выглядит так. Во время своего первого пребывания в Новгороде Пахомий Логофет составил «Похвальное слово» преподобному Варлааму; затем, в начале 40-х годов XV в., написал на основе ранее существовавшей редакции жития Варлаама Хутыньского свою собственную.

* Впоследствии, между 1464—1472 гг., Пахомий Логофет написал Житие преподобного Саввы Вишерского (73, с. 95—100).

По повелению святителя Евфимия Пахомий Логофет посетил с этой целью Хутынский монастырь, где собрал дополнительные сведения о преподобном Варлааме.

В предисловии к Житию преподобного Варлаама Пахомий сообщает о себе: «...Пришед от Святыя Горы в преславный великий Новгород и слышав елика от многих поведаема беху чудеса сего ради повелен был архиепископом того же применитаго града владыки Евфимия приити в обитель святого (т. е. в Хутынский монастырь) и тамо свонма ушима слышати бывающая чудеса...» (цит. по: 50, с. 39—40).

Собранные о преподобном Варлааме сведения Пахомий объединил «в одну пленицу», «елико ми мощно бысть написати, яко да незабвена будуть святого исправления и бывшаа и бывающаа того блаженаго отца чудеса» (66, с. 198—222).

Около 1440 года Пахомий Логофет отправился из Новгорода в Москву, где поселился в Троице-Сергиевой Лавре, спустя 18 лет после обретения мощей Преподобного Сергия Радонежского (1422). Здесь он был свидетелем посмертного чуда Преподобного Сергия с сухоруким юношей Леонтием и некоторых других чудес, которые включил, вместе с описанием обретения мощей Преподобного Сергия, в новую редакцию его жития, составленную Пахомием по поручению игумена Троице-Сергиевой Лавры Зиновия (1436—1445)*.

Ко времени его подвижничества в Троице-Сергиевой Лавре (1440—1459) следует отнести написание Пахомием Логофетом службы преподобному Никону Радонежскому и митрополиту Московскому Алексию, сказания об обретении и перенесении мощей Святителю Алексия и редактирование (стилизация правка и сокращение) похвального слова Преподобному Сергию, составленного Епифанием Премудрым († ок. 1420). Как и другие монахи, Пахомий Логофет занимался также обычной в то время перепишкой святоотеческих творений и богослужебных книг. В библиотеке Троице-Сергиевой Лавры хранились списки, написанные рукой Пахомия, книги Симеона Нового Богослова (1443), Пален (1445), псалмов Давида с толкованием (1459).

В 1460 г. Пахомий Логофет вновь оказался в Новгороде, судя по «Повести о Поне, архиепископе Новгородском» (см. 22а), в которой сообщается, что Пахомий по просьбе святителя Ионы дополнил Житие преп. Варлаама Хутынского чудом о воскрешении у его гроба отрока Григория Тумчена (постельничего вел. кн. Василия II), бывшем в 1460 г. (ПСРЛ, т. VI, с. 320). По мнению священника В. Яблонского, Пахомий прибыл вторично в Новгород в конце 1459 или в начале 1460 года, вероятно, по приглашению архиепископа Ионы. Живя при его дворе, Пахомий написал сказание о чуде преподобного Варлаама Хутынского (1460—1461), житие святителя Евфимия, архиепископа Новгородского, похвальное слово на Покров и службу преподобному Антонию Печерскому (73, с. 17—18).

В конце 1461—начале 1462 года Пахомий Логофет оставил Новгород и после непродолжительного пребывания в Москве поселился в Кирилло-Белозерском монастыре (в конце 1462—начале 1463 года), куда отправился по благословению митрополита Московского Феодосия (1461—1464) и повелению великого князя Московского Василия II († 1462). В Кирилло-Белозерском монастыре Пахомий Логофет подвизался при его игумене Кассиане (1448—1469), но сколько лет он оставался здесь—доподлинно неизвестно.

По свидетельству летописей, в 1472 году Пахомий Логофет вновь подвизался в Троице-Сергиевой Лавре, где написал слово об открытии и перенесении мощей святителя Петра, митрополита Московского, бывшем в июле 1472 года, а также службу в его память (ПСРЛ, т. VI, с. 196—197). В 1473 году Пахомий, находясь в Москве (о чем свидетельствует приписка к ркп. библи. Св. Синода в СПб., № 582, л. 272 об.), написал канон святителю Стефану Пермскому.

О дальнейшей жизни Пахомия Логофета известно немного. После 1473 года он вновь был в Новгороде, где, усомнившись в чудесах святителя Новгородского Иоанна († 1185), был наказан болезнью; каясь и припадая к раке чудотворца Иоанна, он получил исцеление (ркп. Казан. Дух. Акад., Солов. собрание, № 500, л. 207), после чего, используя более ранние письменные источники о святом, написал Житие святителя Иоанна (73, с. 109—114). В весьма преклонном возрасте Пахомий Логофет (не раньше 1484 г.) написал житие святителя Моисея, архиепископа Новгородского († 1363) (73, с. 105—108).

* Житие Преподобного Сергия Радонежского, написанное Пахомием Логофетом, получило наиболее широкое распространение.

См.: Древние жития Преподобного Сергия Радонежского. Собраны и изданы **ординарным академиком** Николаем Тихомировым. М., 1892.

Рансе, в 1417—1418 гг., Житие Преподобного Сергия написал Епифаний Премудрый. См.: «Богословские труды», сб. XI. М., 1973, с. 210—234.

Умер Пахомий Логофет после 1484 года, в возрасте около 80 лет, точное время и место его смерти неизвестны.

* * *

В Древней Руси и допетровской России Пахомия Логофета весьма высоко ценили как выдающегося церковного писателя, считая его «от юности совершенным в божественном писании и во всяком книжном и в философском истинном учении» (Ркп. Моск. Синод. библ. № 630, л. 146; цит. по: 73, с. 1). Переписчики произведений Пахомия Логофета, «мужа благочестивого, проходящего иноческое житие со всяким спасением добрым» (там же), называли его преподобным, хотя он не был официально канонизирован.

Впоследствии такая высокая оценка Пахомия Логофета и его трудов подверглась пересмотру.

Митрополит Макарий (Булгаков) дал критическую оценку сочинениям Пахомия Логофета: «Слог у Пахомия, когда он ведет рассказ, большую частью прост и довольно понятен, хотя не везде правилен; но в приступах к житиям и похвальным словам, где обыкновенно излагаются общие мысли, напыщен, растянут, не точен и мало вразумителен» (57, т. VII, 1891, с. 161—162).

В. О. Ключевский считает, что Пахомий Логофет «дал русской агнографии много образов ровного, несколько холодного и монотонного стиля» (49, с. 166), которому легко подражать.

Обозревая сочинения Пахомия Логофета с точки зрения их исторической ценности, он отмечает: «Только биографии Кирилла и Евфимия [разрядка В. Н.] ценны и по свойству источников, и по обилию содержания; если бы все остальные труды Пахомия исчезли, в наших исторических источниках не образовалось бы слишком заметного пробела» (49, с. 167).

Акад. Д. С. Лихачев приходит к заключению, что Пахомий Серб занимался, главным образом, переделкой предшествующих русских произведений, благодаря чему многому научился у их авторов и частично воспринял старые русские традиции.

Характеризуя манеру письма Пахомия, Д. С. Лихачев применяет термин «абстрактный психологизм», в отличие от «экспрессивно-эмоционального» стиля (т. е. «плетение словес») Епифания Премудрого († 1420).

«Стиль произведений Пахомия Серба,— отмечает он,— более прост и лишен талантливой изощренности Епифания. Особое пристрастие Епифаний Премудрый имеет к плачам, к длинным речам действующих лиц, к внутреннему монологу. В произведениях Пахомия преобладают драматические ситуации, многофигурная живописная композиция, сложные диалоги действующих лиц» (115, с. 114—115).

Другой современный исследователь, О. В. Творогов, указывая на «риторическую манеру письма Пахомия, его сюжетную упрощенность и традиционность» (130, с. 84), в то же время отмечает, что Пахомию свойственно особое внимание к чувствам и эмоциям персонажей, «повышенный интерес к духовной жизни человека» (130, с. 85—86).

Видный дореволюционный исследователь жизни и творчества Пахомия Логофета священник В. Яблонский в свое время справедливо отмечал: «Причина различной оценки писательской деятельности Пахомия Серба — в различии точек зрения, с которых производится эта оценка. Древность ценит Пахомия как агнографа, украсившего памяти святых в житиях, похвальных словах, сказаниях и службах, «по чину добре», и ценит с точки зрения вкусов эпохи; новая критика или взвешивает писания риторика — проповедника, как исторический источник, или применяет к ним требования новых литературно-эстетических вкусов» (73, с. 2—3).

Профессор И. Н. Голеннишев-Кутузов указывает на исключительную литературную продуктивность Пахомия Логофета, которую можно сравнить разве что с его страстью к перемене мест. Он обращает внимание на то, что Пахомием «впервые на Руси составлен по образу византийских и западных компилятивных исторических сводов «Хронограф» (1441) (116, с. 36).

Популярность произведений Пахомия в XV в., повышенный спрос на них в различных областях Древней Руси, свидетельствует, по его мнению, о том, что на Руси к тому времени была достигнута «достаточно высокая ступень культурного и исторического развития» (там же, с. 36).

В «Повести о Ионе, архиепископе Новгородском» (22а) сообщается, что святитель Иона поручил Пахомию Логофету написать канон и житие «и прежде его бывшего архиепископу Евфимию». Это свидетельство подтверждается сообщением современника Пахомия в приписке к житию по рукописи Московской Синодальной библиотеки № 630, л. 146: «от ...Пахомия написано бысть от жития великаго святителя и чудотворца от великих малая, глаголю Евфимия...» (49, с. 154). В кратком надпи-

сашии жития «Месяца марта в аѣ день жития иже во святых отца нашего Пресеяшеннаго архиепископа Великаго Новаграда Владыки Евфимия...» (21, л. 395), имя Пахомия Логофета обычно не упоминается.

Пространное предисловие к житию святителя Евфимия воздает общую похвалу святителям — почтенным от Бога, наставникам на пути спасения, часто гонимым неправедными царями и вельможами, сокрушающимся о сиротах и притесняемых... Прототип этой похвалы мы находим в Послании св. ап. Павла в Евреям (М. 32—38). Предисловие соответствует типичной для Пахомия Логофета трехчастной схеме житийных повествований, которым предпосылается вводная часть. Оно выдержано со всеми признаками пахомиевского риторического стиля и грамматического построения, изобилующего элементами византийского панегирика.

Бесспорно, что житие и служба святителю Евфимию, архиепископу Новгородскому, принадлежат перу Пахомия Логофета; на это указывают многие исследователи: митрополит Евгений (Болховитинов) (33, с. 154—155), проф. В. О. Ключевский (49, с. 167), И. Некрасов (50, с. 43), П. М. Строев (56), архиепископ Филарет (Гумилевский) (58, с. 112—113), священник В. Яблонский (73, с. 80—83) и другие.

Пахомий Логофет, как известно, любил ставить свое имя в надписании, предисловии, послесловии или краегранных произведений, написанных им, причем часто указывал на обстоятельства и время написания; иногда эти указания принадлежат переписчикам; как правило, в позднейших списках они утрачиваются (см., напр., 18).

Сравнив различные списки, как неизданные рукописные, так и приводимые в печатных изданиях (см.: 18, 19, 22, 23, 24, 27), мы убеждаемся, что в них нет существенных различий, что они восходят к одному источнику и принадлежат Пахомию Логофету.

Главная часть жития святителя Евфимия Новгородского — повествовательная — начинается словами: «Сего убо блаженнаго Евфимия родители великаго града беяху. Отца Мхрия именем служите святого Феодора. И жена его Анна именем, законно тому сърежена» (рпк. Погод, № 851, лл. 336 об.—337; шт. по: 73, с. 81). Далее Пахомий Логофет повествует о детстве святого (в миру Иоанна), начале Вяжницкого монастыря, пострижении отрока Иоанна с именем Евфимия в этом монастыре, иноческих подвигах Евфимия, его настоятельских трудах, избрании на епископскую кафедру, хиротонии, святительской деятельности, строительстве многих храмов, кончине и нескольких посмертных чудесах, четырех (22, с. 22—24) или пяти (21, л. 413—415 об.) После последнего, пятого чуда (исцеления Захарии) обыкновенно следует заключительная похвала святителю с молитвой к нему. В позднейших списках добавлено описание еще пяти чудес (22, с. 24—26); эта часть жития («Ино новейшее чудо о явлении блаженнаго Евфимия»), по мнению священника В. Яблонского, прибавлена вскоре после преставления святителя Евфимия, но написана не Пахомием (73, с. 82).

Точное время написания жития святителя Евфимия Пахомием неизвестно, но выражение автора «повелен быв написа» и характер жития как довольно обстоятельного повествования, с конкретными историческими сведениями, дает основание заключить, что оно написано вскоре после преставления владыки Евфимия, до ухода автора из Новгорода в Москву, то есть до 1462 года.

Анализируя различные редакции пахомиевских житий, в частности, жития Преподобного Сергия Радонежского, исследователи отмечали, что каждая новая редакция почти ничего не добавляла к историческому содержанию предыдущей, а в некоторых случаях даже теряла часть интересного материала в пользу риторизма, что вообще в творениях Пахомия Логофета мало исторических сведений.

Следует подчеркнуть: житие святителя Евфимия заслуживает в этом отношении безусловно иной оценки. К мнению В. О. Ключевского, отметившего историческую ценность этого жития, присоединился священник В. Яблонский: «Счастливым исключением с точки зрения исторической ценности сообщаемых сведений являются жития архиепископа Новгородского Евфимия II*, преподобного Кирилла Белозерского, до некоторой степени — преподобного Саввы Вишерского, архиепископа Новгородского Моисея и сказание о перенесении мощей митрополита Петра. Два первых и последний памятники писаны по рассказам очевидцев и личным наблюдениям автора...» (73, с. 239).

Осмелюсь высказать предположение, что Пахомий Логофет делал записи о святителе Евфимии еще в период своего первого пребывания в Новгороде, когда Владыка Евфимий был жив.

* Архиепископ Евфимий I Братский (1423—1428) был непосредственным предшественником свят. Евфимия; он не заслужил доброй памяти у новгородцев, т. к. отличался корыстолюбием; архиепископ Евфимий II всюду именуется в данной статье святителем Евфимием (за исключением соответствующих цитат, где он назван Евфимием II. — В. И.).

Думается, что выдающиеся личные качества святителя Евфимия, его светлая праведность и глубокая духовность не могли не обратить на себя сугубого внимания его деесписателя (возможно, что записи Пахомия Логофета были также использованы новгородскими летописцами).

В предисловии к Житию святителя Евфимия Пахомий Логофет пишет о нем с чувством благоговейной любви и глубокого преклонения. «...Винovníк ныне подлежащего слова, по долгу нами прославляемый, был преемником и ревнителем древних оных Архиреев достойно восхваляемых, которые, будучи освящены от чрева матери своей, почтены были от Бога саном святительским, чтобы многих человек наставить на путь спасения и паству свою соблюсти от ересей; посему и с мучениками прославляются и выше мучеников, ибо не убоились свидетельствовать истину в слух сильных земли, и вступались за обидимых и сирот, имея себе Судию на Небесах, хотя многие, подобно Златоусту, лишались престола; не о временном они заботились, но о вечном, и кто из человек возможно изречь по достоянию славу мужей сих от Бога прославляемых? Таков был и сей бывший Архиепископ великого Новгорода, о коем дерзнул я написать, не своим однако мудрованием, но повелением преемника его престола Владыки Ионы, который после него, судом Божиим и избранием человеческим, восприял кафедру Святых Софии; при жизни был он ему искренней друг и, движимый любовью к ближнему, повелел мне написать его житие; я же, прося себе помощи от Бога и споспешествующих молитв у приснопамятного оного отца и Святителя, простираю слово мое к живущим по Боге, на общую пользу, да не будет предана забвению истина и да не укрестя под спуд, тяжестью многих набегающих лет» (25, с. 1—3; см. также 22, с. 16—17).

Глава 2

Преподобный Евфимий, инок и игумен

«В юности целомудрие стяжал еси... Евангельскому повеси внят, преподобне, душевный разум впервые к просвещению светлочуных зарй, душевных страсти до конца потребил еси...»

Из службы святителю Евфимию, архиепископу Новгородскому

Родители святителя Евфимия были гражданами Великого Новгорода. Отец его священник Михей* служил в новгородской церкви во имя святого великомученика Феодора². Вместе с благоверной супругой своей Анной он сильно скорбел о том, что не имеет детей, и непрестанно молился Господу и Его Пречистой Матери о ниспослании им помощи свыше и о разрешении их от неплодства. Супруги дали обет — если у них родится ребенок, посвятить его Богу.

Господь внял молитвам благочестивой четы и даровал им сына.

Во Святом Крещении новорожденного нарекли Иоанном, «потому что и Предтеча Господень,— поясняет Пахомий Логофет,— был плодом заматорелых [то есть, людей средних лет] родителей» (25, с. 3).

После крещения ребенка родители принесли его в храм и положили пред иконой Пресвятой Богородицы; в умилении сердца, преклонив колени, они вознесли благодарственную молитву: «Царица и Владычица, Тебе мы приносим чадо, которое Ты нам даровала, ибо что обещали уста наши от избытка печали, то ныне от избытка радости Тебе приносим, как Владычице; прими и соблюди его по Своему усмотрению» (см. 25, с. 4; 27, с. 252; 62, с. 245 и др.).

Молитва родительская исполнилась: Царица Небесная взяла младенца под Свой Пречистый покров. При содействии благодати Божией ребенок возрастал, радуя своих родных и близких. В детстве Иоанн сторонился суетных игр, свойственных незрелому возрасту; отданный в научение книжное, мальчик заметно преуспевал в изучении Священного Писания. Он постоянно посещал Богослужения, за которыми при-служивал своему отцу.

Достигнув пятнадцатилетнего возраста, Иоанн воспылил желанием принять иноческое звание и поселиться в уединенной пустыни. «Смиранный юноша не ведал своего высокого назначения; Господь же, свыше руководя избранных своих, внушил ему сперва любовь к пустыне, чтобы потом вызвать его из глубины безмолвия и поставить на высоком свещнике святительства» (62, с. 246).

* В Православной Богословской Энциклопедии, т. V, СПб., 1904, с. 258, ошибочно назван Моисеем.

Взяв родительское напутствие и благословение, юноша вскоре оставил отчий дом. Он отправился в урочище Вяжище (Вежище), в окрестностях Новгорода (в 12 верстах к западу), где незадолго пред этим, посреди лесов и болот, была основана обитель тремя иноками — Евфросином, Игнатием и Галактоном (44, т. 1, с. 596). «Когда иноки пришли к этому месту, то ощутили в воздухе какое-то благоухание и сочли это за особое указание Божественного Промысла» (27, с. 253). Они удружили здесь крест и построили часовню во имя святителя Николая Чудотворца, после чего соорудили для себя кельи. Вскоре к трем инокам присоединился священник Пимен (вероятно, овдовевший), который принял монашество с именем Пахомий. В 1411 году общими трудами на месте прежней часовни была воздвигнута деревянная церковь во имя святителя Николая Чудотворца (3, с. 235, Новгород. III летоп. под 6919 [1411] годом; 4, с. 113, Новгород. IV летоп. под тем же годом).

При начале своего подвига иноки претерпели немало невзгод и гонений от окрестных жителей, по наущению знатного Новгородского вельможи, владельца окрестных земель. Но святитель Николай Чудотворец оградил свою обитель. С вельможей внезапно приключилась тяжкая болезнь — язва на ноге, от которой он страдал до тех пор, пока не раскаялся и не помолился об исцелении святителю Николаю в его новой обители: «сему оубо некий струг зол на ноze родися, и от того много страдаше, темже святому Николе начат молитися, и тако исцеление получи» (22, с. 17—18).

Благодарный за исцеление, вельможа подарил обители участок земли. С той поры число иноков в ней стало умножаться; иеромонах Пахомий стал ее игуменом. Иноки подвизались в полном уединении, ведя строгую постническую жизнь, в неустанной молитве и борьбе с суровой северной стихией. В эту-то обитель и пришел пятнадцатилетний юноша Иоанн, взыскующий Града Небесного. Игумен Пахомий, по-видимому, отличавшийся прозорливостью, с любовью и радостью принял нового инока, посланного Господом, и постриг его в монашество с именем Евфимий. «Пострижение в столь раннем возрасте является большой редкостью: оно заставляет нас догадываться о выдающихся духовных качествах юного подвижника» (29, с. 62).

Несколько лет (по меньшей мере до 1415 года) подвизался инок Евфимий в Вяжищском монастыре, во всем проявляя смирение, послушание и ревность к Славе Божией. Игумен Пахомий и братья «дивились его глубокому разуму, ибо в нем уже тогда познавался будущий пастырь и еще в подначальном проявлялся образ начальственный» (62, с. 247). Молва о добродетелях юного подвижника дошла до святителя Симеона, архиепископа Новгородского (1415—1421).

Владыка Симеон был избран на архиперейскую кафедру по воле жребия (из трех кандидатов) 11 августа 1415 года (3, с. 106, Новгород. I летоп.). Он был простым монахом и получил посвящение в диакона, затем в иерея и епископа зимой 1416 года в Москве от митрополита Московского Фотия († 1431) (3, с. 236, Новгород. III летоп.). В Новгороде святитель Симеон воздвиг два каменных храма — во имя святителя Петра, митрополита Московского, и во имя святой великомученицы Анастасии, узорешительницы (3, с. 106, Новгород. I летоп.). Начало святительства омрачилось страшным бедствием: зимой 1417 года повальный мор опустошил Новгород. Руссу, Ладогу, Порхов, Торжок и их окрестности (48, с. 463—464). По словам немецкого историка А. Кранца, «Люди, ходя, падали, и в одну минуту испускали дух: здоровые шли погребать умерших, и, внезапно лишаясь жизни, в той же могиле сами были погребаемы» (цит. по: 32, с. 124—125). Летописи свидетельствуют, что для отвращения подобных бедствий на Русь был принят старый обычай — возводить так называемые обыденные храмы: за один сутки свозили лес, срубали церковь, освящали ее и служили Божественную литургию. Эта мера обычно имела успех: так было и в Новгороде: по благословиению святителя Симеона за один день воздвигли храмы во имя святой Анастасии и во имя святого пророка Илии. «Кающаяся любовь не обманулась в надежде — мор ослабел» (62, с. 233).

В это трудное время святитель Симеон, нуждаясь в достойных помощниках, призвал к себе инока Евфимия. После долгой беседы в архиперейских палатах, святитель Симеон назначил молодого Евфимия своим экономом. В практике новгородских владык это был первый случай, когда экономом назначался инок (до этого экономы избирались из мирян) (27, с. 255, примеч. 1; см. также 53, глава 2). Быть экономом в то время значило нести весьма ответственное послушание, так как новгородские владыки управляли огромными вотчинами и пользовались независимостью от княжеской власти. «В этих условиях архиперейский эконом должен был сочетать административный талант с полнейшим бескорыстием и с глубокой христианской настроенностью. Только такой человек мог стать достойным помощником архипастыря в мирских делах» (29, с. 62). Надо полагать, что одновременно с назначением на должность эконома (или спустя непродолжительное время) монах Евфимий был возведен святителем Симеоном в сан иеромонаха. Во всяком случае,

«преподобный Евфимий продолжал нести свой иноческий подвиг и ни в чем не отступал от исполнения правил монашеской жизни» (27, с. 255), несмотря на новые и весьма ответственные обязанности. «В новой должности он вызывал всеобщее изумление и уважение тем, что, занимая столь высокое положение, стоя в центре хлопотливой, беспоконной, деловой жизни огромного торгового города, нес иноческие подвиги так же усердно, как и в дремучих лесах» (29, с. 62). Безусловно, святитель Симеон оказывал ему свою поддержку и покровительство. Преподобный Евфимий многому учился у своего архипастыря, который пользовался народной любовью, ибо «умел править люди и поучати словесы духовные, своею кротостию, иные же обличением, иные же запрещением...» (62, с. 235).

В 1418 году святитель Симеон, благодаря своему высокому духовному авторитету, мужественным вмешательством остановил кровопролитную распрю между Торговой и Софийской сторонами в Новгороде. Совершив молебствие в Софийском соборе о прекращении междоусобия, святитель Симеон вступил на мост через Волхов, вокруг которого кипела схватка. «За ним следовали священники и весь церковный причет» (48, с. 459), в том числе, по всей вероятности, и преподобный Евфимий. Взойдя на мост, святитель Симеон стал благословлять крестом на обе стороны, повелевая враждующим разойтись по домам. В Новгороде водворились тишина и мир, но в 1419 году город был опустошен страшным пожаром, а в 1421 году — сильным наводнением (3, с. 109, Новгород. I летоп.; 3, с. 138—139, Новгород. II летоп.; 4, с. 119—120, Новгород. IV летоп.). Можно представить, какие самоотверженные усилия требовались от святителя Симеона и преподобного Евфимия, чтобы восстановить разрушенное стихиями хозяйство и наладить в Новгороде нормальную жизнь!.

15 июня 1421 года, после шести лет неустанных архипастырских трудов, святитель Симеон преставился ко Господу и был погребен в Мартириевском приделе Софийского собора.

После его кончины архиепископом Новгородским был избран игумен Клопского монастыря Феодосий. Два года (1421—1423) он управлял Новгородской епархией с титулом нареченного владыки, но так и не был удостоен посвящения в сан архиерейский. Это было смутное время в истории Новгорода, когда вновь свирепствовал страшный мор и голод, так что наметали три скудельницы (общие могилы), полные мертвых (3, с. 110, Новгород. I летоп.; 4, с. 120, Новгород. IV летоп.). Нареченного владыку Феодосия изгнали обратно в Клопский монастырь: «вольница Новгородская вину народных бедствий, по обычаю, относила не к себе, а всегда приписывала другим и нередко в подобных случаях прибегала даже к насилиям» (62, с. 240).

Так исполнилось пророчество преподобного Михаила Клопского († 11 января около 1453—1456), который, подвизаясь в это же время в Клопском монастыре, предсказал Феодосию, что он будет возведен на святительскую кафедру, но не будет посвящен в сан архиерейский (см. 22 б).

В том же 1423 году на Новгородскую архиепископскую кафедру был избран монах Воскресенского Деревяницкого монастыря (основан в 1335 г. в 4-х верстах к северу от Новгорода) Емелиан, по прозвищу — Брадатый. Через год он был посвящен в Москве митрополитом Фотием в архиепископы с именем Евфимий (Евфимий I, или Евфимий Брадатый, в отличие от святителя Евфимия) (3, с. 238, Новгород. III летоп.).

«Не видя, вероятно, в новом владыке, мало любимом и новгородцами, тех пастырских добродетелей, которые привязывали к святителю Симеону, казначей Евфимий отпросился на безмолвие в Хутын (Хутынский) монастырь» (62, с. 247).

Хутынский монастырь, основанный в 1192 году преподобным Варлаамом Хутынским, находился на правом берегу Волхова в 10 верстах по течению от Новгорода. Здесь преподобный Евфимий подвизался весьма непродолжительное время. По просьбе иноков Лисницкого (Лисичьего) Рождество-Богородицкого монастыря, он принял игуменство в этой обители.

Рождество-Богородицкий монастырь был основан в конце XIV века на Лисейей горе в 7 верстах к северу от Новгорода. Игумен Евфимий был настоятелем этого монастыря в течение 5 лет, во все время управления архиепископа Евфимия Брадатого. Начальствуя над иноками, преподобный Евфимий «всем им подавал совершенный пример для назидания, так как ко всем был милостив и вместе с тем ко всем относился почтительно» (27, с. 255).

Лисницкий монастырь являлся весьма важным центром книгописания в Новгородской земле. В конце XIV века игумен монастыря Иларий привез со Святой Горы Афон в Новгород книгу «Тактикон Никона Черногорского». В 1397 году эта книга, по благословению архиепископа Новгородского Иоанна II (1388—1415), была переписана лисницкими иконами для своего монастыря (55, столбец 283); в 1400 году

инок Савва по поручению игумена Геласия списал сборник с поучениями преподобного Ефрема Сирина (55, столбец 298).

Зная о большом внимании, которое святитель Евфимий уделял впоследствии переписыванию святоотеческих творений и богослужебной литературы, можно предполагать, что он всемерно содействовал развитию этих монастырских традиций (не случайно впоследствии в Лисицком монастыре в течение двух столетий велась своя летопись) (110, с. 133).

* * *

«Добродетельным же житием ангелом и человеком предивен оказался еси... Судом Божиим, и всенародным избранием, отнюдуже призван был еси, преподобне, на престол великия Церкви... И сего ради великаго Новаграда архиерейства сподобився...»

Из службы святителю Евфимию, архиепископу Новгородскому

1 ноября 1428 года скончался архиепископ Евфимий I Брадатый (3, с. 110, I Новгород. летоп.; 3, с. 141, II Новгород. летоп.).

«После его кончины, все граждане единогласно провозгласили на вече своим владыкою боголюбивого игумена Лисицкого; это избрание одобрил и весь клир, говоря: «глас народа — глас Божий»» (57, с. 247).

Несмотря на такое единодушие, при избрании Евфимия на святительскую кафедру не было отступлено от древнего порядка (см. 53, с. 56—58). Имя игумена Евфимия вписали в один из трех жребиев, которые были положены запечатанными на престол Софийского собора. После Божественной литургии, во время которой вече молилось на площади пред Софийским собором, протопресвитер снял с престола и вынес к народу один за другим два жребия. На престоле остался жребий игумена Евфимия, — «того, на кого как бы указывала Святая София, оставляя его жребий при себе, то есть, на своем престоле» (53, с. 57)*.

Это избрание, согласно летописям, состоялось в 1428 или, что более вероятно, в 1429 году. Во время избрания игумен Евфимий находился в Лисицком монастыре, куда с радостью устремились народные толпы, чтобы испросить благословения нового владыки и возвести его в храм Святой Софии и во владычные палаты (3, с. 110, Новгород. I летоп., под 6937 [1429] годом; 3, с. 238, Новгород. III летоп., под 6936 [1428] годом).

Преподобный Евфимий долго отказывался и не хотел принимать архиепископства. Со свойственным ему смирением считая себя недостойным такого высокого сана. Наконец, так как не мог противиться суду Божию, то подчинился воле избравших его. Новгородцы ввели святителя Евфимия в храм Святой Софии, Премудрости Божией, 13 ноября, в день памяти святителя Иоанна Златоуста (27, с. 256).

После своего архиерейского избрания преподобный Евфимий более четырех лет оставался в иноческом звании, посвящение его затруднялось разными обстоятельствами.

Глава 3

Священнонок Евфимий: от избрания до посвящения (1429—1434)

«Правда, что русские летописцы крайне скупы на подробности; однако ж ум внимательный, одаренный историческою догадкою, может дополнять недостатки соображением, подобно тому как ученый любитель древностей, разбирая на каком-нибудь монументе старую греческую надпись, по двум буквам угадывает третью, изглаженную временем, и не ошибается»

Н. М. Карамзин; 103, с. 176

Сведений о деятельности нареченного архиепископа Евфимия в 1429—1434 гг. сохранилось, к сожалению, немного, но летописные сообщения и исторические хроники позволяют реконструировать ее хотя бы в общих чертах, учитывая события тех лет и атмосферу эпохи.

* До XIV века порядок избрания новгородских епископов был другой: избранным считался тот, чей жребий был первый вынесен к народу из Софийского собора (см. 53, с. 57).

Следует оговориться, что управлять епархией до посвящения в сан епископа было в обычае для Новгородца: архиепископ Иоанн II (1388—1415), не посвященный во епископа, управлял 8 месяцев, святитель Феоктист (1299—1307) и его преемник святитель Моисей (1324—1329, вторично 1352—1359) — по году, архиепископ Климент (1274—1299) — 2 года, а владыка Феодосий (1421—1423) скончался не хиротонисанный.

Святитель Евфимий не успел получить посвящения при жизни святителя Фотия, митрополита Московского и всея Руси († 1431), быть может, «вследствие временного отсутствия последнего в Москве» (53, с. 118); «так как не спокойны были тогда отношения Новгорода к великому князю Московскому» (62, с. 248).

Всё усиливающееся противоборство между Москвой и Литовским княжеством в то время тормозило создание объединенного Русского государства, вовлекало в сферу соперничества Новгород и Псков, Тверь и Рязань, которые получали возможность, «лавируя между главными соперниками, вести свою, ограниченную интересами местных феодалов, политику» (96, с. 237).

В. Н. Бернадский вслед за С. М. Соловьевым (см.: «Об отношениях Новгорода с великим князем». М., 1845, с. 124) подчеркивает, что в период борьбы Великого Новгорода за сохранение самостоятельности (первая половина XV века) Новгород вытупал как крупнейшая политическая и экономическая сила в Восточной Европе, в значительной мере определяя исход важнейших конфликтов эпохи. «Отстаивая свою самостоятельность в борьбе с Литвою, Новгород, являвшийся все еще крупнейшей и богатейшей великорусской землей, объективно боролся за политическую самостоятельность Великороссии против литовской опеки, и боролся притом последовательнее и упорнее, нежели правительство Василия I. (Так было в вопросе о борьбе за Смоленск)... Объективная борьба Новгорода с западными врагами (Литвою, немцами) за самостоятельность и сохранение своей территории была делом важным для всей Великороссии. Борьба же Новгорода с великими князьями на этом этапе еще не стала борьбой против создания объединенного Русского государства. Московские князья еще не ставили перед собою задачу присоединения Новгородской земли: их территориальные притязания ограничивались Торжком, Волоком и Двинской землей... Да и взять на себя задачу обороны всего западного русского рубежа московские князья еще не были в силах» (96, с. 235). Новгород и Псков продолжали оставаться щитом России на ее северо-западных рубежах. А время было тревожное и беспокойное.

В 1426 году между Данией и городами Ганзейского союза начались военные действия. Каждая из воюющих сторон стремилась вовлечь Новгород в конфликт и использовать в своих интересах: Ганза побуждала объявить войну Дании, а датский король — арестовать находившихся в Новгороде ганзейских купцов. Предшественник святителя Евфимия архиепископ Новгородский Евфимий Брадатый проявил политическую мудрость и воздержался от этих шагов. Сохраняя мирные отношения с Данией и Ганзой, Новгород пытался воспользоваться сложившейся ситуацией в своих собственных интересах, чтобы добиться возвращения потерянных в 1323 году по Ореховецкому договору западных корельских погостов. Война, начатая летом 1428 года литовским князем Витовтом против Новгорода, помешала этому. Представители Новгорода незамедлительно приступили к переговорам с датчанами и заключили мир с Данией в том же 1428 году на пять лет (см. 112).

В том же году Новгороду удалось отстоять Порхов, осажденный литовцами, и заключить мир с литовским князем Витовтом (в конце июля) (96, с. 210).

Но этот мир, судя по всему, был непрочен, так как литовцы и немцы не прекращали своих вылазок. Естественно, что святитель Евфимий, прежде всего, должен был подумать об укреплении обороноспособности Новгорода.

В 1430 году, по благословению святителя Евфимия, новгородцы укрепили Порхов крепостной стеной. Решено было укрепить и сам Новгород (его Кремль и крепости), для чего каждый четвертый житель со всех волостей призывался на оборонительные работы (48, с. 469—470).

В том же году литовский князь Витовт скончался, его преемником стал князь Свидригайло. Святитель Евфимий решил воспользоваться удобным случаем для упрочения заключенного ранее мира. В 1431 году в Вильну отправилось новгородское посольство во главе с боярином Борисом Юрьевичем, которое заключило с князем Свидригайлом мирный договор на следующих условиях: «Новгородцам свободная торговля по всем литовским владениям, а подданным Литовского государя свободная торговля по всем новгородским владениям; неприкосновенность границ новгородских и литовских владений по старому рубежу» (48, с. 470).

Обеспечив безопасность Новгорода, святитель Евфимий мог спокойно заняться внутренним устройством своей огромной епархии. «Несмотря на то, что блаженный

Евфимий долгое время оставался нареченным архиепископом, это нисколько не мешало ему заниматься делами порученного ему звания; и он многое устроил ко благу паствы еще до своего посвящения» (62, с. 250).

Пожар 1430 года, опустошивший Новгород и владычный двор на Софийской стороне, вместе с церковью во имя святителя Иоанна Златоуста (3, с. 238, Новг. III лет.), побудил владыку Евфимия приступить к большим ремонтно-реставрационным и строительным работам. Тогда же на княжеском дворе он соорудил каменный храм во имя Святых отцов вместо упавшего старого (3, с. 110, Новг. I лет.), а затем в 1432 году воздвиг деревянную церковь во имя святых Двенадцати Апостолов (на Чудищевой улице) и при ней основал обитель, близ общих могил (скудельниц), где погребали немощных и убогих (3, с. III, Новг. I лет.; 3, с. 238, Новг. III лет.): «ибо наипаче о убогих печаловалось отеческое сердце Евфимия» (62, с. 250).

В следующем, 1433 году святитель Евфимий построил в Новгороде Владычную палату (се обычно называют Грановитой палатой), представляющую трехэтажное квадратное здание, готическое по своей внутренней разделке; крестовые своды палаты опираются на центральный столп, а многочисленные грани сводов разделены нервюрами (жгутами или жилами), типичными для памятников поздней готики. Грановитая палата изумляла современников святителя Евфимия замысловатостью внутреннего устройства, множеством дверей (тридцать) и переходов, «так что все здание представлялось как бы малым городком» (62, с. 255). Палата была благолепно расписана внутри и украшена извне. При входе в палату, по русской традиции, была помещена икона Спасителя с предостерегающими словами о Страшном Суде.

В Грановитой палате, прекрасно сохранившейся до наших дней, было устроено несколько помещений хозяйственного назначения, в нижних этажах; для официальных актов и приемов предназначался огромный зал на третьем этаже, где под председательством святителя Евфимия и его преемников происходили торжественные заседания Совета господ — высшего исполнительного органа Новгородской вечевой республики*. «В отличие от Грановитой палаты Московского Кремля, выстроенной несколько позднее Марко Руффо и овеянной духом Возрождения, новгородская палата,— считает М. Каргер,— является запоздалым памятником готики...» (83, с. 81).

Об этой постройке Новгородская I летопись сообщает под 6941 (1433) годом: «Того же лета постави преподобный нареченный владыка Еуфимей палату в дворе у себе, а дверей у ней 30, а мастера делале немечкыи из Заморья, с новгородкыи мастеры» (3, с. 111).

Приглашение святителем Евфимием иностранцев (немцев) «предвосхищает аналогичную деятельность московских князей» (128, с. 98), свидетельствует о тесных экономических и культурных связях Новгорода с прибалтийскими городами Западной Европы, которые поддерживались при святителе Евфимии.

То обстоятельство, что святитель Евфимий продолжал оставаться *нареченным* архиепископом, не получив необходимого посвящения в архиерейский сан, безусловно, наносило все больший ущерб интересам Новгородской Церкви: прежде всего, потому что святитель Евфимий не имел канонического права рукополагать новых священников; в международных сношениях Новгорода, в разного рода дипломатических переговорах престиж посвященного владыки был бы, без сомнения, гораздо выше, не говоря уже о его духовном авторитете в сношениях с Москвой и другими русскими княжествами. Насущные интересы Великого Новгорода, таким образом, требовали скорейшего посвящения владыки Евфимия.

* * *

После кончины святителя Фотия († 1 июля 1431) кафедра митрополита Московского была свободной в течение нескольких лет: «нареченным» митрополитом считался рязанский епископ Иона, который из-за смут в великом Московском княжестве не смог своевременно отправиться в Константинополь и оставался без посвящения.

В 1433 году епископ Смоленский Герасим был посвящен в Константинополе в митрополита Киевского и всея Руси (этот титул носили тогда Московские митрополиты). Он вернулся в Смоленск, но в Москву не пошел, так как Московское княжество раздиралось после смерти великого князя Василия I († 1425) феодалной войной: «воюются и секутся о княженьи великие Русские земли» (4, с. 208; 6, с. 27). В 1433 году обострилась борьба Василия II и его дяди галицкого князя Юрия Дмитриевича, не признававшего прав своего племянника на великокняжеский

* Здесь в 1478 г. Иван III объявил о включении Новгорода в состав Московского государства.

престол. В 20 верстах от Москвы у реки Клязьмы Юрий Дмитриевич разбил войско Василия II, занял Москву и объявил себя великим князем. Получив в удел Коломну, Василий II стал накапливать военные силы, чтобы вернуться в Москву. Смута в государстве захватила не только бояр и служилых людей, но и широкие массы простого народа. Естественно, что в такой ситуации митрополит Герасим предпочел местом своего пребывания сделать родной город Смоленск, в то время значительный торговый и ремесленный центр, жизнь в котором протекала спокойнее*.

Именно сюда, в Смоленск, посадники и вече Новгородское отправили на посвящение своего владыку Евфимия. Незадолго до того святитель Евфимий посетил Троицкий монастырь (в 20 верстах от Новгорода), где проходил иноческий подвиг глубоко чтимый им преподобный Михаил Клопский. Войдя в трапезную, святитель Евфимий обратился к блаженному Михаилу, прося его молить о посвящении от митрополита Владимирского (Московского), по повелению Василия II. Видя его сердечную кручину, преподобный Михаил «исторг убрूस из руки его и набросив себе на голову, юродствуя воскликнул: «Смоленска града достигнеши и тамо архиерейства сан совершен приемши» (52, с. 18—19). В этом пророчестве, безусловно, содержался и мудрый совет, который должен был исполнить святитель Евфимий.

В 1434 году, пробыв нареченным архиепископом более четырех лет (3, с. 238, Новг. III лет.), святитель Евфимий «отходит во град Смоленск, митрополиту тамо сушу, и тамо совершенный сан архиепископства приемлет рукою просвященного Герасима Митрополита Киевского и всея Руси, иже и тамо премудростно и разумом всех удивил» (21, л. 402—402 об.; см. также: 3, с. 111; 15, с. 121 и др.).

Тот факт, что святитель Евфимий отправился для посвящения не в Москву, а в Смоленск, толкуется некоторыми исследователями, начиная с Н. Н. Костомарова, как попытка разрыва церковной связи Новгорода с Москвой. Еще в прошлом веке А. Никитский отмечал, что такая точка зрения неправомерна, что было много обстоятельств, объективно способствовавших поставлению святителя Евфимия во епископы не в Москве, а в Смоленске.

Необходимо учитывать, как уже отмечалось, что интересы новгородской епархии требовали скорейшего посвящения святителя Евфимия, а московская митрополичья кафедра после смерти святителя Фотия пустовала; митрополит Герасим прибыл из Константинополя, где был поставлен митрополитом для всей Руси; он не поехал в Москву, согласно сообщению Псковской летописи, только вследствие раздоров, происходивших в Московском княжестве; в глазах новгородцев митрополит Герасим, таким образом, был законным главой Русской Церкви.

Во время пребывания в Смоленске святитель Евфимий, как повествуется в его Житии, привнес всех в удивление своим умом и рассудительностью, вызвав удивление и похвалу митрополита Герасима. После посвящения (26 мая 1434 года) святитель Евфимий с великим почетом возвратился в Новгород и вступил в полноправное управление своей епархией. «Сознавая все величие принятого на себя сана, он предался подвигам своего служения еще с большим усердием, чем нес их до своего посвящения, помня слова Писания: *«ему же дано будет много, много взыщется от него»*» (Лк. 12, 48) (27, с. 257).

Глава 4

Подвиг миротворчества в годы войн и междоусобиц

Первым делом святителя Евфимия после посвящения явилось, по-видимому, урегулирование отношений с «младшим братом» Псковом. Судя по летописным свидетельствам, Псков и Новгород в 1434 году обменялись посольствами. В IV Новгородской летописи сообщается под 6942 (1434) годом, что прибывшие для заключения мира в Новгород псковские послы быют владыке Евфимию об этом челом (4, с. 208). В Псковской I летописи под тем же годом сообщается: «Приехали послы из Новгорода Антип Олексеев, сын королевского князя, от владыки Великого Новгорода и Пскова Еуфимия и от всего Великого Новгорода» (12, с. 43).

Впоследствии сам владыка Евфимий неоднократно посещал Псков (в 1435, 1448, 1453 и 1457 гг.). «Новгородско-псковские переговоры о мире в 30-х годах — яркое

* Исконный русский город, Смоленск в начале XV века был временно присоединен к Литовскому княжеству. Посланный литовским князем Свидригайлом в Константинополь для посвящения в митрополита Литовского, епископ Герасим получил посвящение в Митрополита всея Руси. Заподозрив Герасима в измене, князь Свидригайло в июле 1435 г. схватил его близ Смоленска и сжег в Витебске (4, с. 209; 6, с. 28).

проявление того беспокойства, какое вызывали феодальные смуты в Новгороде и Пскове», — отмечает современный исследователь (96, с. 243).

Эти смуты, потрясавшие великое Московское княжество и непосредственным образом касавшиеся Новгорода, продолжали волновать Русь.

После ссоры князя Юрия Дмитриевича со своими сыновьями Василием и Дмитрием, которые ушли в Кострому, Юрий Дмитриевич был вынужден уступить своему племяннику Василию II Москву, а сам удалился в Звенигород. Но феодальная война на этом не кончилась. Далее последовало неудачное сражение у Костромы великокняжеской рати с Василием и Дмитрием Юрьевичами, которым оказал помощь их отец. В начале 1434 года князь Юрий Дмитриевич и его сыновья (Василий, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный) повели соединенные галицко-вятские силы к Москве. В сражении, которое произошло в Ростовской области, великокняжеская рать была вновь разбита, и Василий II бежал в Новгород. Новгородское боярство, желавшее сохранить нейтралитет в этой борьбе, не оказало Василию II поддержки, и через три недели и два дня он удалился через Мологу и Кострому в Нижний Новгород (48, с. 471; 93, с. 762). Оказавшись в весьма трудном положении, Василий II собирался уже искать поддержки в Орде, но в это время в Москве умер князь Юрий Дмитриевич. После его смерти произошел раскол в стане его сыновей. По летописным сообщениям, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный, узнав о вокняжении в Москве их старшего брата Василия Юрьевича (Василия Косого), не признали его великим князем и вступили в переговоры с Василием II. Достигнув примирения, все трое двинулись к Москве; князь Василий Юрьевич бежал через Ржеву в Новгород, Василий II вернул себе великокняжеский престол, а своим союзникам пожаловал: Углич и Ржеву — Дмитрию Шемяке, и Бежецкий Верх — Дмитрию Красному. Из-за этих порубежных владений происходили постоянные столкновения между московскими, тверскими и новгородскими князьями. Передача Василием II указанных пунктов галицким князьям преследовала цель усиления здесь Московского влияния.

Из Новгорода князь Василий Юрьевич, пробывший здесь до осени 1434 года, вынужден был удалиться: новгородцы и ему не оказали поддержки; летопись говорит, что он пробыл в Новгороде недолго, но «много зла бысть от него» (11, с. 417).

Таким образом, то один, то другой из борющихся князей, потомков великого князя Дмитрия Донского, стучали в ворота Новгорода, и Новгород вынужден был вольно или невольно давать приют разбитому князю. «Борющиеся соперники стремились получить от Новгорода средства или просто грабли новгородские земли» (96, с. 242). В этих условиях святителю Евфимию приходилось весьма нелегко. Чтобы отстоять интересы Новгорода в русле общерусских интересов, надо было проявить политическую мудрость и дипломатический такт, предусмотрительную дальновидность и готовность к решительным действиям. «Не принимая прямого участия в борьбе между потомками Донского и, по возможности, использовать ослабление великокняжеской власти [в интересах Новгорода] — такова основная линия новгородской политики 30—50-х годов. Ее официальным руководителем был владыка Евфимий III... Евфимий был последним новгородским владыкой, в политике которого можно подметить ясную целенаправленность, накладывавшую отпечаток на все стороны его деятельности», — подчеркивает В. Н. Бернадский (96, с. 243).

Трудно, однако, согласиться с тем, что политика святителя Евфимия была «отравлена духом реакционного новгородского сепаратизма», о чем пишет В. Н. Бернадский далее, противореча ранее высказанному и убедительно аргументированному им тезису: самостоятельность Новгорода в тот период, когда московские князья не ставили перед собой задачу присоединения Новгорода, была залогом успешного противостояния Руси Литве и немецким рыцарям на Западе (96, с. 235). Добавим, что именно в 30—40-е годы XV века, в период феодальной войны и смуты в Московском княжестве, когда активизировали свои вылазки враги Руси как на западе, так и на востоке (татары стали совершать непрерывные нападения на Московское княжество с конца 30-х годов), значение Новгорода Великого как самостоятельного и независимого государственного объединения значительно возросло: Новгород, как это ни парадоксально, олицетворял в эти годы государственное единство России (пока не улеглась смута в Московском княжестве).

Кроме того (этого не следует упускать из виду), Новгород и тогда, в эти смутные годы, не отрицал исконной власти московских князей над собой, судя, например, по формулировкам договорной грамоты 1435 года между великим князем Василием II и Новгородским посольством; в титуле великих Московских князей неизменно упоминался Новгород Великий, самостоятельность которого была, в сущности говоря, самостоятельностью автономной области, «буферного государства» и отвечала в то время перспективным интересам еще не окрепшей Российской державы.

Вмешательство в распри между потомками Дмитрия Донского на стороне кого-нибудь из них было равносильно для Новгорода нарушению верности по отношению к другим; в сложной неразберихе незаконных притязаний и «законных прав»^{*} такое вмешательство было чревато нарушением верности по отношению к Москве как центру великокняжеской власти. Участие Новгорода в междоусобной борьбе, ко всему прочему, могло привести к перерастанию этой борьбы в затяжную, еще более пагубную для Руси феодальную войну (социальные волнения грозили, в свою очередь, вызвать ее перерастание в гражданскую войну).

Надо отдать должное духовной мудрости и осмотрительности святителя Евфимия, который понимал это и старался избежать вовлечения Новгорода в междоусобную брань.

Ниг о каком разрыве с Москвой и Московской митрополией у Новгородского владыки не было и помысла. Святитель Евфимий «отнюдь не склонен был считать поездку в Смоленск окончательным решением вопроса о поставлении» (96, с. 241). В договорной грамоте с великим князем Московским Василием II от 1435 года (то есть после посвящения в Смоленске) он скромно именуется «священнопоком» («Грамоты Великого Новгорода и Пскова», под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949, № 19). Забегая вперед, приведем следующие факты.

В 1437 году, после посвящения Константинопольским Патриархом Иосифом на московскую кафедру Митрополита Исидора, узнав о его прибытии из Константинополя, святитель Евфимий тотчас отправился к нему в Москву на благословение (3, с. 112, Новг. I лет.).

Осенью того же 1437 года святитель Евфимий с подобающими почестями встречал митрополита Московского Исидора в Новгороде и провозжал его до Пскова на пути в Италию: «Той осени приеха с Москвы в Новгород митрополит Сидор Грецин [Исидор Грек] октября 9, и почти его владыка, и посадники, и боляре, и купцы, и весь Великий Новгород; и на зиме поеха митрополит во Псков, и к Царю-граду [в Константинополь], и на немцы [в Западную Европу] к Риму» (4, с. 122, Новг. IV лет.). К прискорбью, это был Исидор, «столь горько ознаменовавший себя впоследствии изменою Православию на Соборе Флорентийском» (62, с. 249). Правда, отношения иерархов сложились не лучшим образом, они носили формальный характер: митрополит Исидор не был духовно близок святителю Евфимию. Пробыв 7 недель во Пскове, митрополит Исидор проявил по отношению к святителю Евфимию свое явное нерасположение: он отнял у новгородского владыки «суд и печать и земли и все доходы» в Псковской стороне и назначил во Псков своего наместника архимандрита Геласия (4, с. 122, Новг. IV лет.). Чем вызвал святитель Евфимий такое враждебное отношение со стороны митрополита Исидора? Не тем ли, что мог выразить ему свое неодобрение, в связи с планами Исидора относительно заключения Унии с Римом? Возможно, святитель Евфимий, как и великий князь Василий II, советовал митрополиту Исидору не ехать на Флорентийский Собор, не замешиваться от латинян, «ничтоже страна и чюжа», твердо стоять на Соборе за православие?^{**}

Из Пскова митрополит Исидор выехал 24 января 1438 года, получив предварительно охранные грамоты от магистра Тевтонского ордена Павла Русдорфа и великого князя Литовского Сигизмунда для проезда через их владения (см.: Karge P. Die Reise der russischen Konzilgesandten durch die Ordenslande. 1438, Januar — Mai. — In: "Altpreussische Monatsschrift. Neue Folge", Bd. 98. Königsberg. 1895).

В конце 1440 года митрополит Исидор, подписавший Флорентийскую Унию 6 июля 1439 г. (см. 91, с. 221—245), возвращался из Италии на Русь. «По счастью для Новгорода и его владыки,—отмечает протоиерей П. И. Тихомиров,—не чрез его области лежал обратный путь лжепастыря, и избавился святитель от искушения видеть и слышать римские нововведения» (62, с. 250)^{***}.

Об этих «нововведениях», впрочем, святитель Евфимий был достаточно хорошо осведомлен. В том же 1440 году в Новгород прибыл бежавший из Венеции в декабре 1439 года суздальский иеромонах Симеон, участник русского церковного посольства в Италию. В Новгороде, при дворе святителя Евфимия и по его благословению

^{*} По старинному праву наследования великокняжеский престол переходил по боковой линии от старшего брата к следующему по старшинству), а не от отца к сыну.

^{**} Эти меры могли быть продиктованы также стремлением перевести Псков в непосредственное церковно-административное подчинение Москве. Следует добавить, что первая поездка святителя Евфимия в Псков в 1435 г. (за два года до этого) была неудачной: псковитяне не подчинились нововведениям святителя Евфимия, который хотел назначить наместника и печатника не из псковитян, а из новгородцев (1, с. 209, Новгор. IV летопис.: 5, с. 28, Соф. I летопис.).

^{***} 11 марта 1441 г. митрополит Исидор торжественно въехал в Москву. За богослужением в Успенском соборе Кремля он огласил текст папского послания и Флорентийской Унии, вызвав возмущение Василия II, который взял его под стражу и отправил в Чудов монастырь. Митрополиту Исидору удалось бежать в Рим, где он стал одним из ближайших сотрудников Папы Римского Евгения IV.

(вероятно, и не без его участия) перомонах Симеон начал писать свое историческое повествование «Исидоров Собор и хождение его» (более полное название: «Повесть Симеона Суздальского об осьмом [Флорентийском] Соборе. Исидоров Собор и хождение его».

Рассказывая о Ферраро-Флорентийском Соборе, перомонах Симеон приводит о нем фактические данные, характеризует общую атмосферу и отдельных участников Собора, воссоздает картину полемики на Соборе, изображает ее наиболее яркие эпизоды, сообщает и о том, как он, находясь на Соборе в Ферраре и Флоренции, вел записи соборных прений, которые позднее обработал в Новгороде, при дворе святителя Евфимия: «дошедши ми святаго владыки Еуфимия богоспасаемого Великого Новаграда, списах снѧ, яже видех и слышах, како во Фрязской земли во граде Флорентии...» (цит. по 129, с. 64); «героем [перомонаха] Симеона,—отмечает современный исследователь,—является [преподобный] Марк Эфесский [† 23 июня 1444], непримиримый противник унии и борец за независимость Православной Церкви... Идея мирового господства папства Симеон противопоставляет идею независимости Русского государства» (129, с. 65) *.

Из «Повести...» мы узнаем о том, какие притеснения терпел перомонах Симеон в Италлии со стороны митрополита Исидора из-за своего отрицательного отношения к Унии, что и вынудило его к бегству в Новгород, к святителю Евфимию. Почему именно в Новгород? Естественно предположить, что еще в 1437 году, во время пребывания в Новгороде, перомонах Симеон в лице святителя Евфимия нашел такого же убежденного противника Унии, каким был сам.

Высокое благочестие и мужество святителя Евфимия, оказавшего в 1440 году беглому перомонаху покровительство, вызвали у автора «Повести...» чувство преклонения и благодарности; не случайно он называет новгородского владыку святым (см. вышеприведенную цитату).

* * *

В 1435 году великий князь Василий II, утвердившись в Москве после смерти князя Юрия Дмитриевича, вступил в переговоры с Новгородом и «целовал к Новгороду крест», сохранив право считаться новгородским князем, как и его предки. Отношения между Москвой и Новгородом, ко взаимному удовлетворению, были, казалось, урегулированы.

Через два года, в 1437 году из Москвы в Новгород прибыл от великого князя боярин Юрий Патрикеевич с требованием «черного бора» (бор с пашни) с Новоторжской волости. Новгородцы, вняв благоразумному совету святителя Евфимия, «без сопротивления всем вечею согласились дать князю черный бор с Новоторжской волости, тогда как в прежнее время одно заявление князя о черном боре служило поводом к войне» (48, с. 474).

Зимой 1440—1441 г. великий князь Василий II, однако, тем не менее, выступил против Новгорода; он «искал в богатом Новгороде добавочных доходов, не ограничиваясь «черным бором»...» (96, с. 247). Нарушив мирное соглашение 1434 года, в этом походе приняли участие и псковичи.

Верный долгу миротворчества, святитель Евфимий стремился уладить конфликт мирным путем. Во главе новгородского посольства он поспешил к Деману, где стоял Василий II, и заключил мир «по старине», выплатив великому князю 8000 рублей и обязавшись не мстить принявшим участие в походе псковичам и тверитянам. «После чего Московские, Псковские и Тверские войска немедленно очистили Новгородские владения, и великий князь остался князем Новгородским на прежних условиях» (48, с. 475).

Примерно в то же время святителю Евфимию удалось урегулировать отношения с новым великим литовским князем Казимиром, вступившим на престол после смерти князя Сигизмунда (убит весной 1440 г.). Сохранилась «Договорная грамота Литовского великого князя Казимира с Великим Новгородом» (1440 г. или позже), в которой сказано: «Се яз великий князь Казимир, королевич, всея Литовское земли и Жомойтское и многих Руских земель, докончал семи мир вечный со владыкою Новгородским с Евфимьем, и с посадником с Федором с Олшесевичем, и с тысяцким Семеном Тимофеевичем и с Великим Новым-городом» (74, с. 37).

В 1442 году в Новгороде произошло три больших пожара («грехов ради народа,— по словам летописца,— чтобы покаяться от своих злоб и неправд»); от пожаров сильно пострадали Плотницкий концы и часть Славенского конца. «Пожары сии, сосредоточенные в одной местности, естественно навели на мысль о поджогах...» (48, с. 478).

* О преподобном Марке Эфесском см.: Архимандрит *Амвросий*. Святой Марк Ефесский и Флорентийская Уния. Джорданвилль, 1963.

Когда в 1442 г. великий князь Василий II разгневался на своего двоюродного брата Дмитрия Юрьевича Шемяку и стал его преследовать, Шемяка бежал в Бежецкий Верх, откуда прислал в Новгород своего посла с просьбой принять его. Новгородцы довольно невозмутимо ответили: «хочешь, княже, и ты приезжай к нам, а не хочешь ино как тебе любо». Получив такой ответ, Шемяка не стал искать помощи в Новгороде и примирился с Василием II, у которого тем временем возникли осложнения с Литвой и с Ордой.

В том же 1442 году началась новая распря между великим князем Василием II и князем Дмитрием Шемякой. В союзе с князем А. В. Чарторыйским Дмитрий Шемяка совершил поход к Москве, но, не доходя до столицы, заключил мир с Василием II в Троице-Сергиевой Лавре (при посредничестве игумена Зиновия) (93, с. 49). Мир этот оказался, к сожалению, весьма неустойчивым. Через три года смута в великом Московском княжестве достигла апогея. Роковую роль сыграла при этом татарская агрессия.

7 июля 1445 года в бою под Суздалем русское войско потерпело поражение от татар, великий московский князь Василий II и несколько русских князей были взяты в плен. 14 июля в Москве вспыхнул страшный пожар, уничтоживший Кремль. Все это вызвало народное волнение в столице, которое приобрело антифеодалную и антиордынскую направленность. Москва казалась беззащитной перед татарской угрозой, но Промысл Божий сохранил первопрестольный град Русский: татарское войско двинулось от Суздаля через Владимир и Муром к Нижнему Новгороду. В октябре 1445 года татарский хан Улуч-Мухаммед за огромный выкуп освободил Василия II и других взятых с ним в плен русских князей. 17 ноября 1445 года возвратился в Москву великий князь вместе с множеством ордынских князьков. «Василий II был встречен населением настороженно, а скоро он утратил точку опоры во всех общественных кругах. Его блок с татарскими феодалами и основанная на этом блоке политика, — отмечает акад. Л. В. Черепнин, — вызвали всеобщее осуждение. Поддерживать великого князя скоро стало некому» (93, с. 789). В этой ситуации князю Дмитрию Шемяке удалось без особого труда привлечь сторонников и свергнуть Василия II. По свидетельству летописей, Василию II были предъявлены следующие обвинения: «Чему еси татар привел на Русскую землю, и города дал еси им, и волости подавал еси в кормление? А татар любишь и речь их паче меры, а крестьян томниши паче меры без милости, а злато и серебро и именем даешь татаром» (9, с. 443). Летописи называют ближайших единомышленников князя Дмитрия Шемяки: великокняжеских бояр Никиту Константиновича Добрынского с братьями, Ивана Старкова и ряд других, князя тверского Бориса Александровича, Можайского князя Ивана Андреевича, влиятельных московских гостей (купцов) и, что особенно важно, старцев Троице-Сергиева монастыря (93, с. 791; см. ПСРЛ, т. XVIII, с. 196).

Оппозиция Василию II, по-видимому, выражала в тот момент национально-патристические устремления, так как пользовалась широкой поддержкой народа.

Но после того как Василий II был ослеплен (в Москве) и сослан в Углич, а мать его заточена в Чухломе, нравственное чувство народа возмущилось.

Дмитрий Шемяка прибегнул к посредничеству Церквы и послал в Муром (здесь укрылись сыновья Василия II) рязанского епископа (впоследствии московского митрополита) Иону, с поручением привезти сыновей Василия II в Москву, которым обещал предоставить «отчину... доволну». Шемяка нарушил свое обещание и сослал княжичей в Углич (заступничество святителя Ионы спасло их от казни). В июне 1446 года враждебные Шемяке бояре составили заговор, поставив задачу освободить Василия II из угличского заточения. Попытка освободить Василия II в конце июня окончилась неудачей, заговорщики ушли через Новгородскую землю в Литву.

В сентябре 1446 года князь Дмитрий Шемяка созвал в Москве представителей высшего духовенства по вопросу о дальнейшей судьбе Василия II. По совету иерархов, Василий II был освобожден в сентябре того же года, дав присяжную запись довольствоваться предоставленной ему в удел вотчиной — Вологодой. Летописи сообщают, что князь Дмитрий Шемяка устроил в честь Василия II большой пир, на котором присутствовали представители высшего духовенства и феодальной знати. В их присутствии было закреплено «крестное целование» Василия II Дмитрию Шемяке: Василий II дал князю в верности за поручительством спископов (93, с. 799; см. ПСРЛ, т. V, с. 269; т. XVIII, с. 201; т. XX, с. 260).

В условиях социально-экономического кризиса и недовольства широких масс, вызванного двадцатилетней феодальной войной, Дмитрий Шемяка не мог привлечь народных симпатий и укрепить свое положение. Очень быстро Вологда стала центром оппозиции, куда съезжались недовольные политикой Москвы. В конце 1446 года в Москве произошли волнения. Был выдвинут лозунг восстановления на великокняжеском престоле Василия II как законного правителя. Благодаря этому Василию II

удалось почти без сопротивления вернуться к власти и вступить в Москву в феврале 1447 года.

Утвердившись в Москве, Василий II поспешил вступить в сношения с Великим Новгородом и встретил здесь взаимопонимание. Святитель Евфимий и новгородские посадники отправили посольство в Москву, которое признало Василия II своим князем по старине. Из договорной грамоты видно, что Василий II «целовал к Новгороду крест» на тех же условиях, на каких были новгородскими князьями его предки: князь Иван Калита (1325—1341), сын его Семен Гордый, прадед, и отец Василия II. «Великий князь по этой грамоте не налагает на Новгород никаких новых обязанностей, не требует никаких уступок...» (48, с. 488).

В июле 1447 года Василий II заключил перемирие с бежавшим в Галич князем Дмитрием Шемякой, а в сентябре — мир. Но в начале 1448 года он выступил в поход к Галичу. В Костроме было вновь достигнуто мирное соглашение, оказавшееся весьма недолгосрочным.

* * *

Смута в Москве (после пленения Василия II в июне 1445 г.) «чрезвычайно сильно ударила по жизненным интересам Новгорода и Пскова» (96, с. 248). Почти сразу же произошло вторжение в Новгородские владения вооруженных сил Ливонского ордена (у города Ямы), переросшее в большую войну (1445—1448 гг.). Вскоре магистр Ливонского ордена Динке вступил в союз с великим магистром Немецкого ордена в Пруссии; в 1447 г. оба вступили в союз со шведским королем (12, с. 48; 48, с. 486). Воспользовавшись этим, предъявил свои притязания на Новгород литовский князь Казимир, но получил решительный отказ. В этих условиях Новгород и Псков пошли на незамедлительное сближение; их союз был скреплен совместными действиями по отражению немецкой агрессии. «Новгородцы не только защитили свои границы и обрели Новгородскую землю от неприятельского опустошения, но и нанесли значительный урон немцам и шведам... так что ливонские немцы и их союзники принуждены были отступить» (48, с. 487). Под руководством талантливого полководца князя Александра Чарторыйского война была доведена до успешного конца. В июле 1448 года произошло решающее военно-морское сражение у устья реки Наровы, в ходе которого новгородские ратники, находившиеся в легких ладьях, сумели нанести поражение немецкому флоту (см. 86). В 1448 году в Нарове был заключен мирный договор, по которому немцы возвратили захваченные земли; обе стороны гарантировали свободу торговли и взаимную безопасность купцов (12, с. 49).

В 1445—1450 гг. новгородскую землю поразил неурожай и голод, цены на хлеб страшно возросли, многие новгородцы вынуждены были искать спасения в других краях... «Щедрой милостыни святителя Евфимия не доставало для пропитания убогих» (62, с. 252). В начале 1447 г. в Новгороде произошло народное волнение, вызванное обесцениением монеты в связи с понижением ее веса.

Богатое Заволочье (входившее в состав Новгородской земли) оказало Новгороду в эти годы помощь. Оно не только твердо держалось Новгорода, но и сумело отразить в 1446 году набеги шведов и норвежцев. Большое значение для укрепления тесных дружественных отношений Заволочья и Новгорода имела поездка святителя Евфимия в Заволочье. Он выехал из Новгорода 7 августа 1446 года, чтобы благословить тамошних посадников «и всех заволочан, своих детей; чего в прежнее время не делал ни один Новгородский архиепископ» (48, с. 483).

Во время этой поездки святитель Евфимий посетил Коневец, где подвизался преподобный Арсений Коневский († 1447), и в знак духовной дружбы подарил ему свой белый клубок (4, с. 125): «дал носить белый клубок свой Арсению Коневскому, ради многой любви к нему» (цит. по: 73, с. 83), как повествуется в Житии святителя*.

В память о святителе Евфимии, залив, где встречали и провожали Владыку, был назван «Владычиной лахтою» (этот залив, давно занесенный песком и поросший травой, сохранял свое историческое название еще в начале нашего столетия) (62, с. 262). Из Заволочья в Новгород святитель Евфимий возвратился 23 января 1447 года.

В начале 1449 года Василий II вновь нарушил мирное соглашение с князем Дмитрием Шемякой. В сражении под Галичем, в 1450 году, князь Дмитрий был разбит Василием II и бежал в Новгород, откуда отправился в Устюг и Вологду. «Повоевав» вологодские земли, Дмитрий Шемяка вернулся в Устюг, где прожил два года.

В 1453 году он бежал из Устюга, к которому подступила великокняжеская рать, в Новгород, и вскоре скончался в Новгороде, где и был похоронен в Юрьевом монастыре, которому благодетельствовал. Многие летописи свидетельствуют, что смерть его была насильственной: Шемяку отравил его собственный повар по имени Погага, подкупленный Василием II (ПСРЛ, т. V, с. 208, 271; т. XX, с. 262; т. XXIII.

* О преподобном Арсении Коневском см.: «Журнал Московской Патриархии», 1974, № 12, с. 19.

с. 155), «который таким образом разделался со своим давним противником» (93, с. 808; см. также 48, с. 489—490).

Такова печальная летопись русской смуты XV века.

«В этой войне новгородцы, обыкновенно не любившие вмешиваться в княжеские междоусобия, не принимали никакого участия и не помогали ни той, ни другой стороне: они только по своему старому обычаю два раза не отказывали побежденному Шемяке искать у них убежища» (48, с. 487—488).

В 1456 году Василий II предпринял поход на Новгород, очень кратко описанный в летописях (Софийской I и II-й, Новгородской IV-й и др.). Причиной похода летописцы называют желание Василия II наказать новгородцев «за неисправление», имея в виду, очевидно, связь новгородского боярства со сторонниками Дмитрия Шемяки. В походе на Новгород принял участие полк служилых татар во главе с сыном хана Мамотяком. Заняв Старую Руссу, ратники Василия II «много зла учиниша, сребра, и злата, и порт, и всякого товара много пограбиша, а рушан [жителей Старой Руссы] почаша имати и бити и животов у них сочити» (ПСРЛ, т. XVI, с. 194, Летопись Абраамки). Новгородское войско во главе с В. В. Шуйским выступило на помощь жителям Старой Руссы, но было разбито (татары стали стрелять в коней, опрокинув таким образом новгородскую конницу) (93, с. 819).

В Новгороде, куда бежали разбитые под Старой Руссой воины, было собрано вече, единодушно принявшее решение отправить к Василию II святителя Евфимия для переговоров.

В местечке Яжелбичах, в 150 верстах от Новгорода, в результате переговоров святителя Евфимия с Василием II был заключен Яжелбичский договор, ставший поворотным моментом в истории московско-новгородских отношений. Новгородцы (помимо большой контрибуции в 10 000 рублей) приняли условия, ограничивающие новгородскую «старину» в интересах великокняжеской власти: отмену вечевых грамот и замену новгородской печати печатью великокняжеской (то есть, по существу, ограничение законодательных прав и права самостоятельного ведения внешней политики) (93, с. 821); кроме того, Новгород отказывался от старинного, можно сказать, традиционного права — давать убежище побежденным и изгнанным... За все эти уступки Василий II возвратил Новгороду Торжок со всеми волостями и те волости, которые он занял в Заволочье, и отпустил всех старых и новых новгородских пленников (новгородцы, в свою очередь, отпустили всех московских пленников). Следует отметить, что по Яжелбичскому договору (заключенному в двух грамотах), «Новгород» еще удерживал свою самостоятельность и самоуправление, его старое устройство еще оставалось большей частью неприкосновенным, даже границы Новгородских владений от Московской стороны получили твердое определение и (были) восстановлены во всей прежней полноте... (48, с. 494).

Псковские войска, подоспевшие на помощь новгородцам, полмесяца простояли в Новгороде (до Яжелбичских переговоров), но не приняли участие в военных действиях и вернулись к себе «все добры, здоровы».

Таким образом, несмотря на то, что в Новгороде были сторонники активных военных действий против Василия II, политика умиротворения, которую проводил святитель Евфимий, одержала верх.

Интересно отметить, что в Договорной грамоте 1456 года между Новгородом и Василием II, составленной «по благословиению Преосвященного архиепископа Великого Новгорода и Пскова Владыки Евфимия» (74, с. 34—35), рядом с именем Василия II стоит имя его сына Ивана Васильевича (Ивана III), будущего покорителя Новгорода, который также назван великим князем.

Глава 5 Святитель Евфимий: — храмоздатель

«Священныя и пречестныя храмы, в славу святых воздвигл еси: темже и многия святыя имел еси ходатаи, промышляющия тебе полезная...»

Из службы святителю Евфимию,
архиепископу Новгородскому

Ревнуя о славе Божией, святитель Евфимий «имел особое усердие» (62, с. 250) к построению, восстановлению и украшению храмов. Пахомий Логофет с воодушевлением свидетельствует об этом: «Начат же и Божиим церквам прилежати и обветшав-

ших обновляя шных же от основания новых в славу и честь святых воздвизая. Не одну или две, но много множество...» (21, л. 404—404 об.).

Исследователи древнего Новгорода, основываясь на летописных сообщениях, единодушно отмечают: почти каждый год святительства архиепископа Евфимия был ознаменован сооружением или реставрацией храмов. «Чуть ли не каждый год в Софийском Доме [владения Новгородского Владыки] что-нибудь строится, ремонтируется, расписывается. Дом растет и украшается. Это расцвет благосостояния Софийского Дома», — считает академик Б. Д. Греков, имея в виду деятельность святителя Евфимия (94, с. 24). Профессор Н. Г. Порфиридов сравнивает ее со строительной деятельностью некоторых выдающихся римских пап (85, с. 263). Академик Д. С. Лихачев отмечает, что, кроме храмовых сооружений, святитель Евфимий возводил «здания светского характера, промышленного назначения, правительственные палаты» (88, с. 65). В общей сложности святитель Евфимий построил и реконструировал около двадцати храмов, о которых упоминают летописи. Некоторые из храмов возводились им, несмотря на стихийные бедствия и вопреки неожиданным препятствиям. Так, например, в 1435 году на месте сгоревшей церкви во имя святителя Иоанна Златоуста Владыка Евфимий воздвиг на том же основании новый каменный храм у себя на дворе, при участии немецких мастеров. Как только мастера сошли с лесов, своды храма упали. Святитель Евфимий должен был заново созидать храм, и закончил его в 1436 году (3, с. 112, Новг. I лет.; 3, с. 238—239, Новг. III лет.). Следует подчеркнуть, что в период святительства Евфимия, судя по летописям, «мы не имеем прямых известий о какой-либо разнице новгородцев между собою; по-видимому, там будто бы не было партий и все действовали заодно» (48, с. 476).

Такое общественное единство, безусловно, явилось необходимым условием для осуществления тех огромных строительных начинаний, инициатором которых был святитель Евфимий. Ближайшим его помощником стал инок Феодор, «истинный раб Божий, который все свое стяжание раздавал нищим» (62, с. 254). Зная его как безукоризненно честного человека, опытного в зодчестве, святитель Евфимий приблизил его к себе, назначил казначеем и «вверил [сму] строение церковное» (там же).

Новгородская церковная архитектура XV века отличается неповторимой самобытностью, зрелостью форм и классической ясностью пропорций.

В зодчестве Новгорода еще в XI—XII вв. сложился тот тип севернорусского храма, который производит величественное впечатление своей суровостью и ясностью и в то же время не лишен тонкого изящества. «Связь с Константинополем позволила новгородцам использовать лучшие традиции эллинистического мира, охватывавшего некогда обширные территории Передней Азии, в том числе Армению и Грузию. И сочетание византийских и русских элементов дало поразительные результаты» (100, с. 36). Особенностью новгородских храмов является членение их гладких стен широкими лопатками, накладные кресты и бровки на стенах, узкие окна и ниши, кирпичный орнамент на барабанах куполов, трехлопастные арки. В середине XIV века господствующий тип церкви устанавливается четырехстолпный, одноглавый, с полукоробовыми сводами в глазах, с открытой лестницей на хоры. Строят храмы преимущественно из плиты и булыги, иногда с добавлением кирпича (118, с. 223; 80, с. 212). Этот тип сохранился без перемен на протяжении более полутора веков. Тесные культурные и торговые связи Новгорода с Западной Европой в XV веке привели к отдаленным заимствованиям из опыта европейских мастеров. Трудно согласиться с К. К. Романовым, что «призыв в XV в. (в 1433 г.) архиепископом Евфимием мастеров «немцев из Заморья» не внес нового в местное новгородское строительство» (80, с. 213). В декоративном уборе апсид новгородских храмов, например, чувствуется влияние романской архитектуры Германии, но оно не вступает в противоречие с чисто новгородскими архитектурными традициями. С другой стороны, «не подлежит сомнению, что новгородское зодчество оказывало и обратное воздействие на архитектуру прибалтийских стран» (97, с. 33).

Ваннисобразная Часозвоня («часы звонящи»), возведенная святителем Евфимием в 1436 году, по мнению проф. А. И. Некрасова, также была сооружена с помощью зарубежных мастеров. Часозвоня представляла собой высокий столп. «прародитель знаменитой колокольни Московского Кремля, Ивана Великого, и других столпообразных колоколен» (79, с. 79). Часозвоня, дошедшая до нас (граненый столп, сужающийся кверху, увенчанный шлемовидным куполом), является более поздним строением: в Новгородском хронографе XVII века сообщается, что каменный «евфимиев столп» в 1671 году «в маети месящи в третьем часу дни паде... и часы спали и разломилися» (М. Н. Тихомиров. Новгородский хронограф XVII в.— «Новгородский исторический сборник», вып. 7, 1940; цит. по: 85, с. 265). Восстановлены они были митрополитом Новгородским Иоакимом через два года, в 1673 году, для чего снова «учиниша столп высок добре и часы боевые устроиша» (85, с. 265)¹¹. Первоначальная же с

Часовня, построенная святителем Евфимием, имела шатровый верх, ее архитектура предвосхитила некоторые особенности русской национальной шатровой архитектуры второй половины XV—XVI веков; с другой стороны, в ней можно видеть аналогично западноевропейским готическим башням.

Часовня не предназначалась для церковного звона, ее часы лишь отбивали суточное время. Поэтому в 1439 году святитель Евфимий воздвиг напротив Софийского собора звонницу, на месте разрушившейся старой. Звонница, сохранившаяся доныне, имеет вид стены, на которую поставлен ряд коротких толстых столбов, перекрытых арками, где висят колокола (79, с. 81).

Святитель Евфимий «осуществлял несобычайно широкое строительство, для которого были тесны рамки города: оно распространялось на загородные монастыри — Вяжицкий, Хутынский и даже на другие города Новой [Новгородской] земли, как, например, Старую Руссу» (85, с. 263).

Вяжицкий монастырь, где святитель сподобился принять иноческий образ, где духовно возрастал в годы юности, «в нем же второе духовное породился» (21, л. 407), был ему особенно близок: «Часто посещал он обитель чудотворца на Вяжишах, усидящая там от молвы житейской» (62, с. 253); «вера же его ко святому тому месту [была] zelo превелика» (21, л. 407 об.).

В Житии преподобного Михаила Клопского рассказывается о встрече святителя Евфимия с преподобным Михаилом в Вяжищской обители в 1440 году, когда преподобный открыл святителю, что в этот день в Москве родился великий князь Иоанн III, которому суждено присоединить Новгород к Москве (52, с. 24—25).

Святитель Евфимий желал, чтобы тело его после кончины было погребено именно в Вяжищском монастыре, под сенью великого чудотворца Николая Мирликийского. «И помысли церковь каменну воздвигнути еже и сотвори. Воздвиг бо церковь zelo красну во имя того же чудотворца Николы, и всяческими добротами и подписанием украсити и иконами» (21, л. 407 об.).

Церковь во имя святителя Николая в Вяжищах была заложена, как сообщает летопись, в 1436 году, но на другой год пала (3, с. 112; 4, с. 239). Это обстоятельство не остановило святителя. В том же 1437 году он воздвиг в Вяжищах величественный каменный храм «в другой ряд» и сам освятил его во имя святителя Николая Чудотворца (3, с. 239). В том же году на владычьем дворе была расписана надвратная церковь во имя святителя Иоанна Златоуста и заложен каменный храм во имя святителя Петра, митрополита Московского (3, с. 112; 4, с. 122).

Через два года работами святителя Евфимия в Вяжищском монастыре была построена трапезная палата с различными служебными пристройками (4, с. 121—122). В 1441 году храм святителя Николая в Вяжищах расписали прекрасными фресками (3, с. 113, Новг. I лет.). «Нельзя исчислити все те сокровища, которые употребил святитель Евфимий на украшение монастыря; туда он жертвовал большую часть святительских доходов и все приносимые ему дары; бояре великого Новгорода, видя его усердие к обители Вяжищской, туда же приносили богатые вклады, а боярам подражал и народ, по любви к своему добродетельному пастырю» (62, с. 253).

Начиная с того времени Вяжицкий монастырь занял прочное место среди так называемых «больших» новгородских монастырей, и в XVII веке числился четвертым по степени после Юрьева, Хутынского и Антониева монастырей (44, т. I, с. 598)¹².

Софийский собор был главным храмом Новгорода. Церковь во имя Архангела Михаила на Прусской улице, церковь во имя святого Власия на Волосовой улице, церковь во имя святых 40 мучеников на Щерковской улице, церковь во имя святого Якова на Яковлевой улице, церковь в честь Рождества Богородицы на Опоках и церковь в честь Успения Богородицы на Ильине улице (последствия этого порядка изменились) считались главными храмами (соборами) в своих округах, в ведении их настоятелей находились другие церкви. Настоятели шести названных соборов (можно считать их благочинными) обязаны были периодически, в определенном порядке совершать богослужения в Софийском соборе, а старосты лично отчитывались правящему епископу: «И те старосты вся шесть соборов били челом и сказывали прежним архиепископам: Евфимию, и Ионе, и Феофилу» (44, с. 34). Порядок этот, по-видимому, был заведен святителем Евфимием.

В. Л. Янин на основе scrupulous анализа и подсчета установил, что в Новгороде второй половины XV в. было «82 больших храма, 79 придельных церквей, 2 загородные мирские церкви — всего 163 престола»; «определение штата по вседневным службам дает внушительную цифру в 220—250 клириков» (121, с. 116—117).

В 1439 году святитель Евфимий произвел внешний ремонт Софийского собора, его штукатурку и побелку. На месте старой звонницы, развалившейся от пожара Волхова, была поставлена новая (3, с. 112, Новг. I лет.; 3, с. 239, Новг. III лет.).

Кроме того, в самом соборе святитель Евфимий позлатил и подписал гробы святого благоверного князя Новгородского Владимира Ярославича († 1052) и матери его Анны (супруги великого князя Ярослава Мудрого) и положил на них покровы. В том же году в Новгороде совершилось обретение мошей святителя Новгородского Иоанна († 1186) (об этом подробнее в отдельной главе). По благословению святителя Евфимия было установлено творить им память 4 октября (3, с. 183, 239; 4, с. 122).

Новгородские храмы, как и везде на Руси, были холодными. «Первую теплую церковь в Новгороде построил архиепископ Евфимий в 1439 году» (110, с. 97): ею стал каменный храм во имя святого Иоанна Богослова, «со многими монастырскими потребами и хлебною» (3, с. 239).

В следующем, 1440 году святитель Евфимий возвел каменную церковь во имя святой Анастасии, а через год — церковь во имя святых страстотерпцев Борнса и Глеба в Околотке, причем возвел ее «на старой основе» (3, с. 113; 4, с. 122).

Преображенский собор в Старой Руссе святитель Евфимий построил при участии старорусских жителей в 1442 году и сам освятил с великим торжеством, описанным в летописи.

«Съвършена бысть церковь Спаса Преображения в Русе Септевриа месяца в 13 день. В той же день приеха из Новагорода архиепископ, и повеле быти бдению всенощному, Господьскаго ради праздника, и облечеся во вся священныя одежда, и с ним собор святыя Софиа, и повеле Рускым игуменом и попом с собою службу служити; и сваша ю сам, на праздник Воздвижения Честнаго Креста, и святую литургию свершил. Веселящеса блаженный душею и сердцем, взирая на храм святого Спаса и видя своего дела начаток добре съвершен, еже устроив себе память вечную, и на оставление грехов и всеми христианом прибежище и радость и веселие и похвала архиепископу от людей, приходящих в дом Св. Спаса и взирающих на церковь и глаголющих: благословен Бог, иже положи на сердце господину нашему създати храм Св. Спаса, высочайши первой, и добре ю украси, и иконы на злате добрым писанием устрои, и ины потребныя места добре съврши, якоже подобает церкви на красоту, и церковныя служебныя съсуды сребряныя сътвори, и иныя съсуды сребряныя устрои на потребу монастырю. А священа бысть при игумене Иване святого Спаса» (3, с. 114, Новг, I лет.)¹³.

В том же 1442 году попечением святителя Евфимия на владычном дворе была сооружена каменная церковь во имя святителя Николая Чудотворца, а также каменная поварня и комната (3, с. 114).

В 1444 году Новгородский Владыка построил на своем дворе каменную духовницу и каменную сторожню (4, с. 122), а через год теплую каменную церковь во имя святого Ангела святого Евфимия Великого († 473). Работы, по сообщению летописи, продолжались 4 месяца; сам Владыка освятил и благолепно украсил храм (3, с. 240).

Древнейшая из известных нам на Руси церквей во имя святых Жен мироносиц, возведенная в Новгороде в конце XI — начале XII века, была реконструирована при святителе Евфимии, в 1445 году, «на старой основе» (II, с. 425). Археологические раскопки, проведенные учеными на территории Ярослава дворища, в частности, исследование подклети церкви Жен мироносиц, подтвердили достоверность летописных свидетельств (см.: «Новгородский исторический сборник», вып. 6, 1939, с. 21).

Не забыл святитель Евфимий и Хутынского монастыря, где подвизался некоторое время до избрания в епископы. В том же 1445 году он построил в Хутынском монастыре каменный храм с колокольной во имя святителя Григория Великого, просветителя Армении († 325) (3, с. 240, Новг. III лет.), а на следующий год — каменную церковь во имя преподобного Варлаама Хутынского с колокольной наверху (4, с. 123).

Одновременно со строительством храмов святитель Евфимий не переставал заниматься об укреплении крепостных сооружений в Новгородской земле. Как уже отмечалось выше, по его благословению были проведены работы по укреплению Новгородского Кремля. В 1445 году была реконструирована Староладожская крепость. Ее сравнительно тонкие плитяно-каменные стены были утолщены обкладкой из крупной плиты и крупного булыжного камня и доведены до 7 метров толщины, что позволило крепости успешно выдерживать огнестрельную осаду (85, с. 119—120).

К этому времени, по всей вероятности, относятся работы по укреплению Изборской крепости, когда западная стена ее была украшена тремя православными крестами (выложенными из плитняка на местах бывших повреждений). Форма этих крестов напоминает декоративные кресты на фасадах новгородских храмов конца XIV — начала XV в. (в частности, церкви Феодора Стратилата на Ручье). «Они (кресты) образно свидетельствуют о тесной связи Пскова с Новгородом, о том, что псковичи

и повгородцы были связаны узамн дружбы и в случае необходимости всегда оказывали друг другу военную помощь. И кто знает, не руками ли новгородских зодчих была сделана прикладка западной стены Изборской крепости...» (108, с. 60).

В следующем же году после укрепления Староладожской крепости святитель Евфимий заложил в Старой Ладоге монастырь во имя святого великомученика Георгия Победоносца, поновил и расписал в нем соборную церковь и «покры ю чешую» (4, с. 123).

По повелению святителя Евфимия в 1450 году новгородские иконописцы расписали притвор Софійского собора у Корсунских ворот (3, с. 240). Через два года трудами Владыки была построена церковь во имя Трех Святителей в Отенской пустыни (3, с. 240).

Весьма существенная особенность строительной деятельности Евфимия заключалась в восстановлении древних церквей XI—XII веков «на старой основе», с воссозданием их первоначального облика, то есть с сознательным намерением воспроизведения их первоначальных форм, иначе говоря, с реставрационными задачами: «Можно говорить именно о сознательной линии, так как эта деятельность не исчерпывалась одним или двумя фактами, которые можно было бы считать случайными. Восстановление Спасо-Преображенского собора 1198 г. в г. Старой Руссе (1442), церкви Борна и Глеба и Жен мироносиц XII в. в Новгороде (1445), церкви Ивана на Опоках 1127—1130 гг. (1454), церкви Ильи пророка на Славне 1198 г. (1455), церкви Богородицы на Торгу (1458) — вот неполный перечень реставрационных предприятий Евфимия» (85, с. 263).

Исследования ученых в последние годы (1978—1981) подтвердили, что в период святительства Владыки Евфимия новгородские зодчие стали возвращаться к древнему типу храма о трех апсидах и шести столбах внутри, с покрытием по сводам, особенно когда приходилось строить на старом основании. Так был перестроен в 1453—1454 годах храм во имя святителя Иоанна Предтечи на Опоках*, построенный в 1127—1130 годах князем Всеволодом Мстиславичем (II, с. 21). Храм этот был приходским храмом купеческой «Иванской общины», торговавшей воском и медом; в нем хранились эталоны мер, при нем существовал общинный суд, разбиравший, в частности, тяжбы новгородских купцов с купцами иностранными (123, с. 44).

После двух сильных пожаров 1417 и 1442 гг., храм Иоанна Предтечи на Опоках сильно обветшал. В 1453 году по распоряжению святителя Евфимия он был разобран и в течение 3 месяцев возведен вновь. В 1454 году святитель Евфимий сам освятил новый храм (3, с. 240, Новг. III лет). Столь быстрое возведение новой церкви, — отмечает современный исследователь, — было произведено благодаря весьма рациональному использованию прежних стен и фундамента XII в. «Преследуя реставрационные цели [святитель] Евфимий в своей постройке повторил не только плановое решение сооружения XII века, но, по-видимому, и первоначальную композицию фасадов. В результате чего и теперь, несмотря на целый ряд позднейших переделок, памятник сохранил многие черты, характерные для княжеских сооружений XII века» (89, с. 11).

В 1454 году трудами святителя Евфимия была построена церковь во имя святого Михаила в Витковом переулке (3, с. 241), а в следующем году — Введенская церковь на Прусской улице (обе — вместо разобранных старых).

В том же 1454 году был построен каменный храм во имя 12 Апостолов на Чудинцевой улице (вместо деревянного, поставленного святителем Евфимием в 1432 г.). Этот храм воплотил в себе лучшие традиции новгородского зодчества XIII—XIV вв., и поныне поражает изяществом пропорций. «Архитектура церкви 12 Апостолов, — справедливо подчеркивает А. С. Хорошев, — проверяет мнение некоторых исследователей «о замирании творческого движения во всех областях новгородской культуры, в том числе и в зодчестве» (128, с. 98; имеется в виду мнение В. Н. Бернадского: 96, с. 244).

В том же 1455 году по распоряжению святителя Евфимия был возведен храм во имя святого пророка Ильи на Славне (первоначальное здание которого было сооружено в 1198—1202 гг.). Новая постройка восстановила характерные для второй половины XII века формы, известные по целому ряду памятников. В частности, ее план очень близок к плану церкви Воскресения Христова, что на Мячине. «Это — также четырехстолпная постройка с суженным восточным делением, с тремя апсидами, с позакומרным покрытием по коробовым сводам, одноглавая; с запада к ней примыкал притвор» (81, с. 121).

В 1458 году (в последний год жизни святителя Евфимия) была произведена

* Опоки — куски плитняка, окатанные водой. Гряда опокон выходила из Волхова на берег около храма во имя святителя Иоанна Предтечи; отсюда и название храма «на Опоках». В. Н.

подобная же реконструкция церкви в честь Успения Божией Матери, что на Торговой стороне. Церковь эта была построена князем Всеволодом при святителе Нифонте (З. с. 27); впоследствии она неоднократно горела, восстанавливалась и перестраивалась. В 1458 году церковь была разобрана, и на ее основании построена новая, ныне существующая: «поставиша церковь каменну Святую Богородицю в Торгу, на старой основе...» (4, с. 127, Новг. IV лет.)¹⁴.

Наряду с расцветом храмового строительства, широкое развитие при святителе Евфимии получили в Новгороде и различные ремесла, в частности, серебряное дело. При Софийском соборе работала большая мастерская, объединявшая новгородских мастеров серебряников. К середине XV века мастерская значительно расширилась за счет мастеров меднолитейного дела, превратившись в крупнейшее ремесленное объединение древнего Новгорода. «По существу оно мало чем отличалось от западноевропейского цеха, не уступая ему ни в уровне, ни в количестве продукции» (105, с. 56). Из мастерской выходила различная богослужебная утварь, литые церковные врата, различные печати, произведения ювелирного ремесла и прикладного искусства¹⁵.

Рассмотрев очертания отдельных букв в русских надписях на знаменитых бронзовых (так называемых Сигтунских) дверях Софийского собора в Новгороде, в сравнении с графикой отдельных букв в памятниках новгородской письменности, современный исследователь пришел к выводу, что аналогии для некоторых букв «во всей своей совокупности присущи XV в.» (употребление фиты и ижицы, неизвестных в древнерусской письменности XIII—XIV вв., «ъ» с ером, «а» вместо «я» после гласного и др.), что позволяет датировать русские надписи Софийских дверей периодом святительства архиепископа Евфимия: «1435 и 1456 гг.—кажутся нам недалеко отстоящими от времени появления русских надписей на романских бронзовых дверях, а, быть может, и времени их появления в Великом Новгороде» (122, с. 198)*.

Жизнеописатель святителя Евфимия Пахомий Логофет воздаст ему должную хвалу, как великому храмоздателю и строителю Новгорода. Прибегая к развернутой поэтической метафоре, он описывает, как новгородские храмы, ликуя, возносят святителю Евфимию свое славословие: «...храм великаго Иоанна Златоустаго, им созданный — высокий и красивый, как бы рукою самого Златоустаго святителя, благословляет его, зывая к нему от лица его; поелику воздвиг ты мне на земле храм, и я умолю Творца устроить тебе храмину на небесах. Соборный храм Премудрости Божией, как град Царя великаго, стоит посреди всех, многими веками обветшавший и им обновленный и, как бы перстом на него указуя, вещает: он возвратил мне прежнее благолепие и честными иконами меня украсил; он похвала моя и красота. И, как бы похваляясь святителем пред церковию ангела его великаго Евфимия, им же сооруженною, о прочих созданных им церквах, старец говорит: «се аз и дети, яже ми дал еси». Все же тут окрест стоящие церкви, воздавая соборной подобающую ей почесть как Матери и Царице, всех старшей и высшей, радуются, что Св. София стяжала такого архиерея на свою кафедру. И сам святитель Евфимий, как бы предстая в лице храма своего ангела, недоумевает смирения ради, что возгласить в ответ? и только подвемля руки горю, восклицает всладомски: «Господи, возлюбих благолепие дому Твоего и место селения славы Твоея!».. (Пс. 25, 8) (62, с. 254; 22, с. 19—20).

Глава 6

Евфимиевская канонизация и новгородские летописи

«Ученими твоими и дела Церковь Христову украсил еси, Евфимие святителю, отондуже в мире просия твоё добродетельное житие: в молитвах и пощених и бдених образ учеником был еси...»

Из службы святителю Евфимию, архиепископу Новгородскому

В 1439 году по распоряжению святителя Евфимия производился ремонт Софийского собора. Неожиданно в приделе святого Иоанна Предтечи сорвался камень. Это было 4 октября¹⁶. Камень пробил «велию скважину» в крышке находившейся

* Принято считать, что Сигтунские ворота (работа западноевропейских, по всей вероятности, магдебургских мастеров) попали в Новгород в конце XII в. из тогдашней шведской столицы берг-да Сигтуны (см. 119, с. 36—37).— В. И.

десь гробницы, из которой разлилось сильное благоухание. О чудесном происшествии доложили святителю Евфимию. По его повелению пробитая камнем доска была поднята. В гробнице оказались нетленные мощи, облаченные в ризы святительские. Никто, однако, не мог назвать имени этого святителя, «понеже от многих лет и многих повертнев старые памяти изволися» (13, с. 199).

Святитель Евфимий стал усердно молить в своей келлии Господа: «Да явит мня, кто есть». Той же ночью явился пред ним муж, облаченный в святительские одежды, и сказал: «Я тот Иоанн архиепископ, которого открыт гроб и который послужил чудеси Богоматери, честному Ее знамени. Возвещаю тебе волю Божию... совершать память о лежащих здесь архиепископах и князьях 4-го октября, я же буду молиться Христу за весь Новгород» (3, сс. 112—113, 183, 239; 4, с. 122).

Святитель Иоанн (до принятия схимы Илия), представший святителю Евфимию, был тем самым владыкой Новгорода (первым его архиепископом), который по милости Божией удостоился обрести чудотворную икону «Знамения» Божией Матери и с помощью Царицы Небесной, явленной чрез эту икону, спас Новгород от нашествия суздальцев зимой 1169—1170 года (празднование в честь иконы установлено совершать 27 ноября)¹⁷. «Необъяснимый с точки зрения прямой логики уход из-под стен Новгорода многочисленного войска, — отмечает современный исследователь, — породил поэтическое повествование о «Чуде иконы Богородицы» (128, с. 92). Протоиерей П. И. Тихомиров подчеркивает, что напоминание святителя Иоанна о долге чтить прежних пастырей и князей было весьма благоприятно: «Новгороду, который часто засматривался на Запад, нужно было напомнить, что у него есть свое достойное его уважения»... (62, с. 256—257).

Глубоко промыслительно, что святитель Иоанн († 7 сентября 1186 г.) обратился с таким напоминанием к великому патриоту Новгорода — святителю Евфимию. Верный своему архипастырскому долгу, святитель Евфимий незамедлительно установил празднование в честь святителя Иоанна, а также заповедал совершать 4 октября поминовение всех почивающих в Софийском соборе (в Воскресенском монастыре Новгорода долгое время хранился устав 1440 г., где это заповедание было записано рукой самого святителя Евфимия; 62, с. 256)*.

«Факт торжественного и специального открытия забытой могилы первого Новгородского архиепископа при Евфимии II, — подчеркивает Л. А. Дмитриев, — свидетельствует об особом отношении в Новгороде к памяти этого человека, а это должно объясняться существованием в Новгороде легендарных преданий о нем» (113, с. 96). «Сказание об обретении мощей Иоанна», возникшее в 40-х годах XV в. в Новгороде, широко распространилось впоследствии и дошло до нас во многих списках.

В том же 1439 году, чтобы укрепить молитвенную память о ктиторе Софийского собора, святом благоверном князе Новгородском Владимире Ярославиче († 1052) и матери его святой благоверной княгине Новгородской Анне († 1056), владыка Евфимий позлатил и подписал их гроба и покрыл их покрывалами, «и память им сътвори поминати на всякое лето месяца октября в 4 день...» (13, с. 199). Внимание святителя Евфимия к подвигам своих предшественников, соблюдение им заповедания святителя Иоанна (Илии) было одобрено свыше особым откровением.

В III-й Новгородской летописи под 1439 годом значится «Сказание о видении софийского пономаря Аарона при архиепископе Новгородском Евфимии Вяжицком» (3, с. 239). В нем повествуется, как пономарь Софийского собора Аарон, в чреде своего служения, проводя ночь вместе с товарищами в храме, видел шестие погребенных в соборе святителей Новгородских. Лежа на одре своем и не смея разбудить спящих товарищей, пономарь Аарон видел не во сне, но въяве, как сами собой отворялись двери [Корсунского и Маргариевского] притворов перед прежде почившими и погребенными здесь святителями, которые исходили из притворов и шествовали в алтарь через царские врата. «И вот, немного спустя, святители все вышли из алтаря в полном облачении как бы на литию, чинно один за другим, по степеням старейшинства своего и, став пред Корсуною иконою Пречистой Богородицы, начали совершать молебное пение; голос их он слышал, но слов произносимых не мог уразуметь. С час времени молились святители пред иконою и потом возвратились все в святой алтарь, и Аарон более их не видел и не слышал их гласа» (62, с. 256).

Наутро Аарон посетил к святителю Евфимию, которому поведал свое видение, в присутствии многих клириков. Обрадованный святитель усмотрел в этом чудесном явлении подтверждение милости Божией к Новгороду: «Не оставил Бог места своего молитв ради всех святых архиепископов!», — воскликнул он. «Выходило так, что не

¹⁷ Собор Новгородских святителей празднуется также 10 февраля и в 5-ю Неделю по Пятидесятнице. Е. Е. Годубинский определяет дату установления их общего празднования всюю Русскою Церковью периодом после Московского Собора 1549 г. (70, с. 157).

Евфимий II насаждал почитание Новгородских святых и воскрешал память о забытых временах новгородского расцвета, а само прошлое как бы напоминало о себе... (88, с. 69). Святитель Евфимий в тот же день отслужил в соборе Божественную литургию, устроил трапезу для всех соборян и роздал обильную милостыню нищим (3, с. 239).

В том же 1439 году по благословению святителя Евфимия состоялось торжественное прославление (местное) Новгородских святителей, соборная память которым была установлена 4 октября и 10 февраля.

Сравнительно недавние научные изыскания позволяют считать, что пономарь Аарон является реальным историческим лицом, современником святителя Евфимия.

До нас дошла новгородская икона деисусного чина из Софийского собора «Архангел Гавриил», с датированной 1439 годом надписью «...написаны быша иконы сия повелением преосвященна[го архи]епископа [Е]уфимия... [Н]овагорода а писал сым икон многогреш[н]ый раб [Бож]ий ин[о]к Аарон Фе[...].анов сын»... (цит. по: 104, с. 66).

В. В. Филатов высказывает предположение, что пономарь Аарон был иконописцем, возглавлявшим артель мастеров в 1439 году. «Сочетание имен Аарона и Евфимия в подписи на одной иконе, — считает он, — может быть свидетельством их единомыслия, выразившегося не только в исполнении архиепископского заказа по написанию «Деисуса», но и в создании «Сказания». Только результатом их единения можно объяснить появление подписи с обоими именами на лицевой стороне иконы деисусного чина. Подпись эта должна была постоянно напоминать всем о «Сказании», о покровительстве небожителей новгородцам...» (104, с. 67)¹⁸.

Ревность святителя Евфимия о почитании Новгородских святых особым образом выразилась в освидетельствовании им святых мощей преподобного Варлаама Хутынского, о чем сообщается в распространенной редакции Жития преподобного Варлаама¹⁹.

По существу, это было первое на Руси освидетельствование («смотрение») святых мощей*.

Рассказ об этом начинается как летописная запись с обозначения года [«В лето 6948 (1440)»] и со слов о том, что в это время «правя престол Святыя Софии Премудрости Божия в Велицем Новеграде» архиепископ Евфимий.

Позвав к себе игумена Тарасия и старцев Хутынского монастыря, святитель Евфимий повелел им постыться три недели, причем игумену Тарасию он сообщил «свою мысль, что хошет известно видети своима очима преподобнаго Варлаама Хутынскаго чудотворца мощи». Через три недели, святитель Евфимий, взяв с собой игумена Тарасия и подьяка [пподнакона] Иоанна Карамана, приступил к раке прсподобного Варлаама. «Архиепископ Евфимий ста от главы преподобнаго Варлаама чудотворца, а игумен Тарасий ста у ног чудотворцовы раки» и начали, помолившись, «снимати сверху гроба чудотворца Варлаама каменну дску». Когда гроб был открыт, то все трое увидели мощи преподобного Варлаама «на верху земли лежаща целы и нячим же вреждены и не разрушмы, и весь образ его и браду его видеша, яко же на иконе написан» (рпк. Солов. библ. № 544/226, л. 83 об.—84). Смотря на мощи, святитель Евфимий с игуменом Тарасием и подьяком Иоанном случали их с иконой преподобного Варлаама, написанной «в деисусе», и нашли между мощами и изображением преподобного на иконе очевидное сходство.

Легко убедиться, судя по рассказу, с каким благоговением к памяти преподобного Варлаама Хутынского производилось освидетельствование его мощей, подготовленное трехнедельным постом и сугубыми молитвами²⁰. Преподобный Варлаам († 6 ноября 1192) принял постриг в том же Лисичком монастыре, игуменом которого спустя три столетия был святитель Евфимий. Освидетельствование его мощей, по видимому, было вызвано желанием святителя Евфимия усилить почитание преподобного Варлаама в Хутынском монастыре, содействовать духовному укреплению этой древней обители. Святитель Евфимий, надо полагать, достиг желаемого, ибо память преподобного Варлаама, как и память Новгородских святителей, прославленных владыкой Евфимием, свято чтится поныне — не только в Новгороде, но всей полнотой Русской Православной Церкви.

Архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский) указывает следующих Новгородских святителей, местная канонизация которых совершилась в 1439 году при святителе Евфимии: святитель Иоаким Корсунянин, первый епископ Новгородский (988—

* Месяц святой равноапостольной великой княгини Ольги, святых благоверных страстотерпцев князей Бориса и Глеба, преподобного Феодосия Печерского и других русских святых, «нарочито изнесенные из земли», мощи святых Леонтия и Исаии Ростовских и других святых, обретенные случайно, не были предварительно осматриваемы, а открывались прямо на основании богоугодной жизни этих святых и на основании бывших от этих мощей чудес.

1030); святитель Лука, епископ († 15 октября 1060); святитель Герман, епископ (1078--1096); святитель Аркадий, епископ (1157--1162, память 18 сентября); святитель Иоанн (Илья), архиепископ (1163--1186); святитель Гавриил (Григорий), архиепископ (1187--1193, † 24 мая 1193); святитель Мартирий, архиепископ (1193--1199, † 24 августа 1199); святитель Антоний, архиепископ (1212--1220, 1226--1228, † 8 октября 1231); святитель Василий, архиепископ (1331--1352, † 15 июня 1352); святитель Симеон, архиепископ (1416--1421, † 15 июня 1421) (47, с. 173)²¹.

«Евфимиевская канонизация была важной вехой в обосновании принципов новгородской независимости, составной частью идеологического фундамента новгородского боярства,—считает А. С. Хорошев.—Вызвав в памяти новгородцев наиболее яркие страницы истории города, подчеркивавшие отношение новгородцев «вольницы» к могущественному Северо-Востоку [имеется в виду Москва.—В. Н.], владыка как бы запово их «позлатил и подписал» (109, с. 60).

Здесь уместно подчеркнуть, вспоминая Житие святителя Иоанна, архиепископа Новгородского, что вся его подвижническая деятельность вдохновлялась стремлением смирить и утишить междоусобные брани, терзавшие Русь в XII веке. Чудесное Знамение иконы Божией Матери в 1170 году, участником которого был святитель Иоанн, привело к предотвращению страшного сражения, в котором должны были столкнуться многочисленные войска новгородцев, суздальцев, тверичан, рязанцев и других удельных княжеств тогдашней Руси. Через два года святитель Иоанн сам поехал во Владимир-на-Клязьме, чтобы примирить владимирского князя Андрея Боголюбского с новгородцами.

Следуя этому примеру, достойному подражания, святитель Евфимий был верен высокому долгу патриота-мировотворца, преданного служителя земли Новгородской как живой части Земли Русской. И в этом контексте ставить акцент на противопоставлении Новгорода и Москвы нам кажется, по меньшей мере, историческим анахронизмом.

* * *

Дорожа верою предков и свято их чтя, владыка Евфимий ревностно заботился и об умножении душеполезных книг, и о сохранении памяти народной, запечатленной в летописании. По его благословению в Новгороде усиленно собираются исторические и агнографические материалы, оживляются церковные предания, ведется интенсивная работа по переписке старых и созданию новых летописных сводов (113, с. 214).

Святитель Евфимий не жалел средств на собиране и хранение различных рукописей, особенно богослужебных сборников. По его инициативе значительно расширилось и обогатилось книгохранилище новгородской Софийской библиотеки, одно из древнейших русских книгохранилищ, основу которого составляли богослужебные книги Софийского собора.

Каждый храм в Новгороде должен был иметь и имел свои богослужебные книги: Евангелия, Апостол, Служебник, Псалтирь, Октоих и другие. Этим объясняется обилие церковных рукописей, дошедших до нас. «Еще и ныне целы книги, списанные по его (святителя Евфимия) воле и на его счет: а) Служебник и Устав святителя; б) служебные Минеи: за ноябрь 1438 г., за июнь 1439 г., за февраль 1439 г., за апрель 1442 г., Минея праздничная и в) Октоих, писанный в 1437 г., по приказанию св. Евфимия для Софийского собора» (62, с. 257).

Сохранялись и другие рукописи из Софийской библиотеки, написанные по заказу святителя Евфимия: Минея февральская (1441 г., ГПБ, Соф. № 196), Минея апрельская (1441 г., ГПБ, Соф. № 200, обе написаны дьяконом Иваном); Богослужебный сборник (Канонник) (1441 г., ГПБ, Соф. № 399) и другие.

После изучения восемнадцати датированных рукописей Новгородского происхождения XIV—XV веков (ГПБ, отд. ркп.), А. В. Попов высказал предположение, что в области восприятия новых веяний в письменности Новгород был (иначе, чем в живописи) гораздо консервативнее Москвы и других русских земель: «До начала второго десятилетия XV в. в новгородской письменности (Канонник 1411 г., Парамейник 1413 г.) новые явления не наблюдаются... Новую орфографию содержит лишь приписка времен архиепископа Евфимия» (122, с. 198)^{*}.

Судя по припискам в некоторых книгах, святитель Евфимий не только поручал переписывание той или иной рукописи, но давал переписчикам свой материал, снабжал всем необходимым, и сам непосредственно наблюдал за ходом работы.

Так, например, Минея Служебная 1439 года была написана на пергаменте свя-

* Последнее обстоятельство заслуживает нашего внимания и нуждается в дальнейшем исследовании.

пиглея Евфимия и его чернилами: «хартисю и черниллом повелением и строением раба Божия архиепископа владыки Евфимия» (12, с. 77). Замечательное последствие писца Миши за ноябрь 1438 г.: «повелением господина моего архиепископа Евфимия писал в обители Богородицы на Перыне* игумен Дионисий»; «отцы, господа и братия, клир Св. Софии! пойте или читайте, по исправляя; а меня грешнаго не клените; если где описася я, говоря ли с другом или обучая детей или по затмению мыслей; не попишете на меня беднаго» (цит. по: 47, с. 72).

Отдельные книги рассылались по указанию святителя Евфимия для переписки в различные храмы и монастыри Новгородской епархии, в частности, в Лисичский монастырь. Так, например, перомонах монастыря Савва переписал в 1431 году «Почучения» преподобного Исаака Сирина (43, с. 176). Лисичский монастырь, игуменом которого святитель Евфимий был в 1424—1429 гг., являлся одним из значительных центров повгородского книгописания. Здесь в течение более двух столетий продолжала вестись своя летопись: «В лето 6958 (1450) написана бысть сея книга летописень во обители Пречестен Рождства на Лисьи гори, повелением раба Божия дьякона Иоаки Геронтея» (7, с. 53). Надо полагать, именно в Лисичском монастыре владыка Евфимий приобрел необходимые познания и навыки, чтобы возглавить повгородское летописание в период своего святительства.

Историки летописания отмечают, что в 30—50-х годах XV века в Новгороде создаются один за другим три больших летописных свода и несколько их редакций (см.: 18, гл. X—XVIII, XXIII; 19, с. 447—449; 82, с. 113—149).

«Иттенсивная работа по составлению громадных летописных сводов XV в., проходившая во владимирском дворе под непосредственным наблюдением Евфимия II, возродила интерес к старине, создала возможность выделения основных этапов национальной истории Новгорода» (128, с. 91)²².

Около 1432 года (святитель Евфимий был тогда еще нареченным владыкой) в Новгороде возник летописный свод «Софийского Временника» (так называлась летопись, ведшаяся при дворе архиепископа). «Однако вскоре после составления этого свода, — отмечает академик Д. С. Лихачев, — стал ясен его основной недостаток, не позволявший ему конкурировать с обширными московскими летописными сводами начала XV в. В то время как московское летописание было в подлинном смысле этого слова общерусским, объединяло в своем составе известия самых разнообразных областей и освещало историю всего русского народа в целом, новгородский свод 1432 г. по составу своих известий оставался узко местным» (88, с. 66—67).

Здесь надо отметить, что новгородские «евфимиевские» летописи (впрочем, как и исковские, тверские или ростовские) содержали по преимуществу местную хронику: сообщения о постройках храмов и крепостей, о поставлениях епископов и игуменов, о выборах посадников и тысяцких, о стихийных бедствиях, торговых ценах и т. п. Интерес к событиям в других княжествах новгородский летописец проявлял сравнительно редко, да он и не ставил перед собой такой задачи.

После летописного свода 1432 года святитель Евфимий предпринял составление нового свода. По всей вероятности, это произошло после поездки владыки в Смоленск, Москву, Псков и другие русские города, откуда он мог привезти много ценных рукописей, в том числе летописи (например, московский летописный свод 1408 года митрополита Кириана).

По мнению академика Д. С. Лихачева, новый новгородский летописный свод (относящийся к концу 30-х годов) «уже далеко не узкая, местная летопись, редко выходящая за пределы родного города. Свод 30-х годов описывает судьбы русского народа в целом, хотя преимущественно по-прежнему отдает Новгороду и, следовательно, в нем видит центр событий русской истории. Замечательно, что свой общерусский характер свод 30-х годов получает в результате заимствования основной массы записей из московских летописей» (88, с. 67). Стиль этого летописного свода по-прежнему латиндарен и деловит, но становится более церковным; в нем встречаются также различные иностранные (инведские, немецкие и итальянские) термины, как церковные, так и из области архитектуры и строительства: «дегатов», «канлан», «мештер», «кумештер», «шпешка» и другие. Невольно возникает предположение о непосредственном участии святителя Евфимия в составлении этой летописи. Кто, в самом деле, кроме него, мог с достаточной осведомленностью и уверенностью в точности слововопределения рассказывать и о строительстве новгородских храмов, и о прославлении Новгородских святителей, и о поездках в Псков, и о смуте в Московском княжестве.

По мнению А. С. Хоросева, «имя Герасима митрополита Киевского и всея Руси, посвятившего владыку Евфимия в Смоленске († 1435), единственный раз употребле-

* Перынский монастырь с храмом в честь Рождства Пресвятой Богородицы был основан в 905 г. на холме при восточном берегу озера Пальмени; на холме был некогда пещера Перуна, отсюда и выходящее название обители (18, Обозрение обителей городовых, № 6).

но в составе Новгородской Первой летописи младшего извода, безусловно, не без участия новгородского владыки» (128, с. 90).

Академик Д. С. Лихачев отмечает, что, «описывая народные волнения или неурядицы новгородской жизни, вызванные плохим судом и «неправым поклемом», летопись оглядывается на «соседей», скорбит за своих сограждан, *воспринимает usability: как провинность всего новгородского населения и нередко противопоставляет современность старине*» (88, с. 67).

Можно с достаточной уверенностью утверждать, что только «с церковной колокольни» была возможна такая точка зрения, и выражать ее в то время в Новгороде мог, пожалуй, лишь один человек — святитель Евфимий (или близкие к нему лица, находившиеся под его духовным влиянием).

Созданием летописного свода 30-х годов новгородское летописание не ограничилось. «Со времени составления в Киеве в начале XII в. «Повести временных лет» работа русской исторической мысли никогда еще не была так интенсивна, как в Новгороде в середине XV в. Летописные своды с чрезвычайной последовательностью создавались здесь один за другим...» (88, с. 68).

Наиболее значительным письменным памятником той поры, оказавшим влияние на все последующее новгородское и общерусское летописание, стал свод, условно называемый в научной литературе сводом 1448 года или Новгородско-Софийским сводом (в первоначальном своем виде до нас не дошел). Он был составлен во время междоусобной войны в Московском княжестве, когда шла борьба за великокняжеский престол между Василием II и его двоюродными братьями. Именно эта борьба побудила составителя свода, — считает Я. С. Лурье, — «особенно решительно выступить против межкняжеских распр — «братоненавидения», призывать к единству и борьбе с еще не свергнутым монголо-татарским игом, широко содействовать в своем своде летописания Новгорода и Северо-Восточной (Владимиرو-Московской) Руси» (127, с. 254)²³.

В свод 1448 года были включены различные повести и сказания, впоследствии заимствованные из него общерусским летописанием XV—XVI вв.: «Повесть о победнице на Дону» (1380), «О Московском взятии от царя Тохтамыша и о пленении земли русской» (1382), «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» (конец XIV в.), псковская повесть о святом князе Довмонте, новгородские повести о посаднике Шиле, о посаднике Добрыне, о битве на Липице, житие Михаила Клонского, тверская повесть о святом князе Михаиле Ярославиче и другие. «Составитель свода 1448 г. по-настоящему сил новгородское и владимиро-московское летописание, добавив большие вставки из летописей Твери и Пскова, суздальские и ростовские известия» (127, с. 254).

В названных выше новгородских повестях (о посадниках Шиле и Добрыне, о преподобном Михаиле Клонском) можно проследить одну общую мысль: о неотвратимости возмездия за грехи и о спасительности заупокойных молитв. Это традиционные воззрения христианской Церкви, которые приобрели особую актуальность в Новгороде того времени и были ответом на еретические воззрения «стригольников». Идейная задача произведений не ограничивается этим. А. С. Хорошев отмечает, что названные повести отличаются откровенной антипосаднической направленностью. «Это могло случиться лишь в эпоху утраты новгородским боярством своего авторитета. Обличая злоупотребления боярства, авторы повестей возвышают архиепископа, который противопоставляется предоставителям посадничества, и тем самым подчеркивается мысль о некоем единстве архиепископа и народа» (128, с. 101).

Интересно отметить, что составитель свода 1448 года ввел в рассказ о расселении славян легендарную фигуру новгородского старейшины Гостомысла, по совету которого были призваны на княжение варяги. Этот факт сам по себе свидетельствует об объективном стремлении составителя свода к максимальной полноте, к беспристрастному освещению исторических преданий. Во всем остальном безусловно чувствуется подлинно патристический пафос, проходит одна мысль — о необходимости отказа от междоусобных распр, об объединении Русской державы против внешних врагов. В обстановке феодальной войны того времени, когда еще не было окончательно сброшено татарское иго, летописный свод 1448 года имел огромное историческое значение, его смело можно приравнять по значению к «Слову о полку Игореве».

Свод 1448 года был составлен в разгар междоусобной войны, и вскоре после своего появления стал подвергаться различным изменениям. Ближе всего текст этого свода передан Софийской I летописью, за исключением последней части свода, повествовавшей о феодальной войне Василия II и его соперников. После победы Василия II весь конец свода 1448 года был отброшен (старшая редакция Софийской I-й летописи) или сильно сокращен (младшая редакция) (см. 6). По всей вероятности, эти изменения были внесены уже после кончины святителя Евфимия. В Нов-

городской IV-й Летописи, наиболее полной из Новгородских летописей XV века, к основному тексту свода 1448 года было сделано много добавлений о новгородских посадниках и событиях в Новгороде, а большие общерусские повести сокращены (см. 8 и 9). Эта летопись создавалась в последние годы святительства владыки Евфимия.

Составителем Новгородской IV-й летописи академик А. А. Шахматов считает гражданина Великого Новгорода Матвея Кусова (18, с. 182—188). Известно, что Матвей Кусов [по поручению святителей Иоанна († 1415) и Евфимия II, к которым был близок] «курировал» работы новгородских переписчиков: «написаны бысть книги сия Святей Софiei повелением владыше Иоана и изсканием Матфия Кусова» (42, с. 65). Может быть, и сам он писал книги, — предполагает Б. Д. Греков, — во всяком случае имел их немало и иногда дарил владыке Новгородскому: «а ся книга дана бысть от Матфея до Кусова Святей Софiei владыши Еоуфимью» (42, с. 81). По всей вероятности, М. Кусов был ученым книжником того времени, доверенным лицом святителя Евфимия и его идейным приверженцем. Вместе с виднейшими представителями новгородского духовенства, прежде всего, с игуменами монастырей, М. Кусов, надо полагать, непосредственным образом участвовал в составлении новгородских летописных сводов 30-х—50-х годов. Духовным вдохновителем и руководителем этой огромной работы был, безусловно, святитель Евфимий.

Глава 7

Вечная память

«Кроток и незлобив во всей жизни твоей был еси, святителю Евфимие: сего ради обрел, якоже желал еси, на Небесех со святыми покой... Благоухает честная рака мощей твоих, всем верным исцеление душам и телесем дарующи».

Из службы святителю Евфимию,
архиепископу Новгородскому

Приближаясь к пределу своей земной жизни, святитель Евфимий по милости Божией продолжал весьма плодотворную деятельность, сохранял ясный ум и твердую волю: «В старости разум обострил еси, душу пресветлу сотворил еси... Умная очеса, святителю, яко всегда имея к Богу простерта» (28, с. 12, 21).

К этому времени относятся поездки святителя Евфимия в Псков в 1453 и 1457 годах. Во время пребывания во Пскове святитель Евфимий служил в Троицком соборе, совершал на третий день соборование, читал синодик и с великою честью выезжал из города (4, с. 215 и 217, Новгор. IV летоп.; 6, с. 31 и 32, Соф. летоп.). По ходатайству псковского князя и посадников, святитель Евфимий благословил построить в Пскове еще несколько храмов (4, с. 215; 6, с. 31).

В 50-е годы XV века стала благоустраиваться далекая Соловецкая обитель, основанная по благословию святителя Евфимия в 1436 году преподобными Германом и Зосимой. Из Жития преподобного Зосимы известно, что святитель Евфимий перешел антимис для Преображенской церкви Соловецкой обители и назначал в обитель трех игуменов: Павла, Феодосия и Иону. Но они не могли выдержать суровых условий отдаленного северного острова, и братия обители избрали игуменом преподобного Зосиму. Тогда святитель Евфимий, по ходатайству братии, вызвал в Новгород преподобного Зосиму († 17 апреля 1478) и сумел убедить его принять на себя сан священства и игуменства (преподобный Зосима ранее отказывался от этого) (62, с. 268—269).

За два года до своей кончины святитель Евфимий почтил память блаженного Михаила Клопского († 11 января 1456). Узнав о его преставлении, святитель Евфимий прибыл в Клопский монастырь со всем освященным собором, чтобы воздать последний долг почившему. При этом святитель Евфимий стал свидетелем чудесного знамения к прославлению угодника Божия Михаила. Когда начали копать могилу, земля оказалась окаменевшей от мороза. Тогда игумен Клопского монастыря указал место, где блаженный Михаил незадолго до кончины имел обыкновение молиться. Как только стали копать на этом месте, земля оказалась удивительно податливой и мягкой. Видя это, святитель Евфимий воздал хвалу Господу, прославляющему своих святых (см. 52, с. 26—27).

С особенной любовью описывает Пахомий Логофет подвижническую жизнь святителя Евфимия, свидетелем которой он был, его участие к горестям ближних, его христианское сострадание и милосердие:

«Богу Единому известна была,— пишет он,— его тайная милостыня, но ежедневно видима была и всенародная; наипаче же имел он попечение о странных и пришельцах из чужих стран, всех с любовью упокоивал по примеру страннолюбия Авраамова; никто не отходил от него скорбным, ибо щедрый владыка говорил сам себе: «не мое все сие, но Божие, и потому всем обильно подавал» (цит. по: 62, с. 257). «И не токмо сия милостыня едина в Новгороде бываху,— подчеркивает жизнеописатель святителя,— но паче рука его бяше простерта повсюду даянием, не токмо до Константинограда или Святыя Горы, но и до самого Иерусалима и далее. И прострши бяше бо око слепым по Иову, и ухо глухим, и нога хромым, и всем всяко» (21, л. 403 об.).

Следует подчеркнуть, что во всех доступных нам редакциях и списках Жития святителя имеется отдельная глава «О милости блаженного Евфимия».

При редкой душевной доброте и отзывчивости святитель Евфимий был весьма строг во всем, что касается соблюдения заповедей Господних и церковных установлений. Он твердо помнил о своем пастьерском долге и ревностно следовал словам святого апостола Павла: «Проповедуй слово, вовремя и не вовремя настой, обличй, укори, увещай со всяким долготерпением и поучением» (2 Тим., 4, 2; цит. новый перевод с греч., издание Библийского Общества).

Святитель Евфимий увещивал согрешающих с кротостью и запрещал только непослушных, обличал устами, а сердцем молился о виновных, чтобы вразумил их Господь. Для него не было разницы между немущим и богатым, ибо все должны ответить Господу за свои грехи: «Если кто сильный властью и богатством хотел сделать что-либо законопреступное, с твердостью сопротивлялся владыка Евфимий; если же опять кто-либо думал молением и дарами или молвою народною его преклонить, чтобы не обличал и не запрещал, никогда не мог обрести в нем послабления, доколе сам не исправлялся; когда же видел святитель закоснение в грехе, на Господа возлагал он праведный суд, и Господь исправлял непокорных, как изведали то на опыте многие, дерзнувшие состязаться со своим архипастырем» (цит. по: 62, с. 258).

Личное благочестие святителя Евфимия, его постнические труды и молитвенные бдения вызывают у Пахомия Логофета невольное удивление: «Но кто опишет пост его и воздержание? Заботы житейские никогда не препятствовали ему исполнить все иноческое правило, и чего не успевал сделать днем, то довершал ночью. Блаженный имел обычай за час до утрени довершать ночное славословие в келлии и прежде всех являлся на службу церковную; во всю первую седмицу великой четыредесятины не принимал он никакой пищи, в прочие же недели вкушал однажды в день, кроме субботы и воскресенья, и то же правило соблюдал и в прочие посты, с великим опасением разрешая себе на пищу во дни праздников. Святая же Церковь особенно восхваляет ревность его против незаконных браков и блуда» (62, с. 258).

Заветным желанием святителя Евфимия было довершить устройство Вяжищского монастыря и еще при жизни поставить в нем теплую трапезную церковь во имя святого апостола Иоанна Богослова. С ревностью приступил он к делу: «и вскоре зодьчии събрав, делу касатися веляше» (22, с. 21). Господь благословил это доброе начинание: в течение Великого поста (по всей вероятности, в 1457 году) храм был воздвигнут, и хотя еще не был расписан фресками, но святитель собрал в нем братию для пасхальной трапезы в праздник Воскресения Христова: «пришедшу же пресветлому всего мира Воскресению Господа нашего Иисуса Христа празднику, братия тогда ядоша в трапезе той...» (21, л. 408; 22, с. 21).

Предчувствуя приближение кончины, святитель Евфимий поспешил примириться со святителем Иной, Митрополитом Московским.

За несколько лет до этого, когда князь Дмитрий Шемяка в ссоре с Василием II принужден был искать убежища в Новгороде, митрополит Иона послал святителю Евфимию требование, чтобы повгородцы не имели с князем Дмитрием никакого общения, как с отлученным от Церкви. «Конечною целью этого требования было удаление Шемяки из Новгорода, а такое дело владыке Евфимию было далеко не под силу [он не мог принудить к этому бояр] и могло повести только к ссоре его со своими согражданами. Понятно поэтому, что он предпочел остаться в мире с последними...» (53, с. 119). Отвечая митрополиту Ионе, святитель Евфимий в 1452 году оправдывал свой образ действия тем, что и прежде нередко приезжали в Новгород опальные русские князья, находя там пристанище и ирнем (по обычаю христианского странноприимства), однако Московские митрополиты никогда не присылали в подобных случаях никаких запретительных грамот (36, т. I, с. 465).

Несмотря на смягчающие обстоятельства, святитель Евфимий так тяготился этой своей виной перед святителем Ионой, что незадолго до кончины отправил к нему слугу Феодора с прощальной грамотой, прося прощения во всем, в чем согрешил в жизни пред Богом, и благословения в век будущий, и воздаяния о своей тяжкой болезни. В ответ святитель Иона послал со своим духовником Евмием обычное отпущение, но просил, чтобы владыка Евфимий, если поправится, сам приехал в Москву для личного объяснения и сугубого прощения (37, т. I, с. 501). На тот случай, если болезнь воспрепятствует этому, святитель Иона дал распоряжение отцу Евмению, чтобы он «благословил его, как бы от своего лица и во всем простил, как сына возлюбленного; но, если бы не застал его в живых, повелено было тогда прочесть отпустительную грамоту над гробом усопшего» (62, с. 264; см. 37, т. I, № 209, с. 500).

Пахомий Логофет повествует о кончине святителя Евфимия следующее.

При наступлении Великого поста 1458 года, святитель Евфимий почувствовал крайний упадок сил. Он имел обычай в первую седмицу святой сорокадневницы уходить для молитвенного уединения и безмолвия в Вяжицкий монастырь, но на этот раз остался в Новгороде.

В Прощеное воскресенье к святителю Евфимию пришли его духовные дети -- новгородцы, смиренно прося у него прощения: «Тогда бо дети его посадник и бояре и все множество человек нарочитых игуменних и священниких и прочии... вси цело ваху того и вси прощения прошаху. Вкупе же и той яко чадолюбивый отец всех прошае и милостивно ушае елико можно в чистоте проводити святыи пост» (21, л. 410).

Вечером святитель Евфимий покинул Новгород и направился в Лисичский Рождество-Богородицкий монастырь, который находился в 7 верстах от Новгорода (ближе, чем Вяжицкий, на 5 верст). Народ провожал его с любовью и кланялся до земли, прося прощения, как бы расставаясь навеки. Святитель Евфимий всех разрешал и благословлял, и сам просил у всех прощения. Достигнув Лисичской обители, святитель угостил братию трапезой, простился с ними и отошел в свою келью.

Несмотря на недуг, святитель Евфимий во все дни первой седмицы Великого поста ходил на соборное служение. Братия видели его немощным и скорбели о том, но в нем самом никто не замечал никакой скорби, только радость, как это случается с возвращающимися на родину странниками, после долгого пребывания на чужбине: «И не быше тогда в нем в исхода видети что скорбно, но тако радостно, якоже пещи, иже мога времена в чуждых странах бывше и пакы хотяще преити в свое отечества, радуются, тако же и сей, еже разрушится телесный съюз, радовашеся» (22, с. 22).

Перед самой кончиной святитель Евфимий призвал братию обители, простился со всеми. Приобщившись Святых Божних Тайн, он воздал благодарение Спасителю и тихо предал ему свою душу, 11 марта 1458 года*. Летописец, сообщив о преставлении святителя Евфимия, добавляет: «покой, Господи, со святыми душу его» (3, с. 241, Новгород. III летоп.; 4, с. 127, Новгород. IV летоп.).

В час блаженной кончины святителя Евфимия келья его наполнилась благоухания. На труженическом теле его были обретенны тяжелые вериги и схи́ма, которых при его жизни никто не замечал: «многажды всю ночь без сна пребыл еси, удручая плоть твою, преблаженне: вериги же, яже на тебе, не познаны быша даже до исхода, еже отсюда» (28, с. 12).

Как только горестная весть о кончине святителя достигла Новгорода, в городе поднялся неутешный плач, кончину любимого владыки оплакивало «всеяродное множество» (62, с. 274); «граждане Новгорода, подобно речным волнам, устремились в обитель на Лисичью гору, чтобы воздать последний долг усопшему; все тужили, все рыдали о вечной разлуке с таким отцом» (62, с. 266).

Тело почившего святителя с великою честью и надгробными песнопениями было перенесено в Новгород. Торжественное отпевание совершилось в Софийском соборе в присутствии всего городского духовенства, при необычайно большом стечении народа. После отпевания гроб с телом святителя Евфимия был перенесен в Вяжицкую обитель, в соборный храм во имя святителя Николая. Святитель Евфимий желал, чтобы именно здесь покоилось его честное тело. Тяжелые вериги, которые он тайно носил на теле, были повешены при гробе.

27 марта 1458 года в Новгород из Москвы прибыл духовник святителя Ионы отец Евмений. Он сразу же поспешил в Вяжицкий монастырь, чтобы исполнить волю митрополита Московского и прочесть прощальную грамоту над гробом почившего. Когда открыт был гроб, все изумились, видя, что тление не коснулось тела святителя, он лежал как уснувший от житейских забот: «обретоша тело блаженного отца светла суца и цела и ничтоже истления пострадаваша, но яко жива или спяща пока-

* Святитель Димитрий, митрополит Ростовский, указывает 10 марта (27, с. 256).

зуба душевную его чистоту» (21, л. 412 об.). Пальцы правой руки святителя были сложены как будто для благословения оспротевшей паствы. «Ныне воистину уразумея, что хранит Бог еще великий Новгород и место сие святое, молитвами святителя Евфимия»,— воскликнул Евмений и прочтя грамоту митрополита Ионы о прощении и благословении, как бы живому вложил ее в руку усопшего» (62, с. 206; см. также: 22, с. 22).

Вскоре после кончины святителя Евфимия от раки с его святыми мощами стали истекать многие чудеса.

К этому времени (начало 60-х годов XV века) относится составление службы святителю Евфимию²⁴, а несколько позднее—приведенной ниже молитвы. Имя святителя и поныне окружено глубоким молитвенным почитанием в Новгороде.

Празднуя 525-летие со времени преставления святителя Евфимия, Русская Православная Церковь чтит его светлую память, помнит о его подвижнических трудах, ставит его кротость, миролюбие и милосердие, призывает его молитвенную помощь и заступничество:

«Отче Святителю Евфимие! Ты от юности твоя Христа возлюбил еси, и близодатию Его укрепляем, вся плотская мудрования умертвил еси, чистым житием и кроткими правами угодил еси Госнодеви, и по благодати Его на престоле святительстве был еси, и явился еси пастве Христове Великаго Новаграда пастырь изряден, предлагая душу твою о стаде твоём. Темже и Пастыреначальник Христос и по смерти прослави тя подаянием чудес, от тебе истекающих, подая нам тебе образ добродетельнаго жития, и теплаго молитвенника.

Темже и аз грешный и унылый, припадая к раце мощей твоих, молюся тебе усердно: угодиши Христов, дайждь ми руку помощи, воздвигни мя молитвами твоими из глубины греховныя, се бо волнами страстей плотских и уныния, и пными тмочисленными житейскими тревожениями обуреваюся и погибаю. Буди убо мне многотресниному предстатель и молитвенник, да и аз от потопления греховнаго избавлен, ко пристанищу благоутишнаго жития благодатию Христовою достигну, и чистым, поше наконец, житием прославолю Спасителя моего, кровию Своею мене искупившаго: и тако житие скончав, получу живот вечный, в славу Отца и Сына и Святаго Духа. ныне и присно и во веки веков. Аминь» (25, с. 41—42).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Святитель Макарий, архиепископ Новгородский и Псковский в 1526—1542 гг. (с 1542 г. — Митрополит Московский и всея Руси), был выдающимся деятелем Русской Православной Церкви и русской духовной культуры в XVI веке.

В Новгороде он собрал воедино «все чтымые на Руси» жизнеописания святых и другие памятники в огромное двенадцатитомное собрание «Великие Четьи-Минеи», ставшее с тех пор излюбленным чтением благочестивых православных людей.

На Земском Соборе 1542 г. в Москве, с участием Митрополита Макария, был принят сборник законов «Судебник», ликвидировавший судебные привилегии удельных князей, что способствовало усилению единого Русского централизованного государства.

По инициативе и благословию Митрополита Макария было установлено празднование новым русским святым, канонизированным на Московском Соборе 1547 г., проходившем под его председательством.

Под председательством Митрополита Макария знаменитый церковно-земский Стоглавый Собор 1551 г. утвердил церковные, хозяйственные и социальные реформы общегосударственной важности, а также принял решение об исправлении богослужебных книг. «Святитель Макарий по объему, направленности и самому характеру своей деятельности принадлежит всей Русской Церкви, всему русскому народу, его государству, его культуре, его столице — Москве» (Никита Волнянский [И. Н. Шабатин]. Митрополит Макарий — светоч русской культуры XVI века. — «Журнал Московской Патриархии», 1947, № 6, с. 27).

См. также: Дякон Петр (ныне игумен Макарий) Веретенников. Святитель Макарий, архиепископ Великого Новгорода и Пскова (1526—1542). — «Журнал Московской Патриархии», 1979, № 8, с. 69—79).

² Митрополит Евгений (Болховитинов) и архиепископ Филарет (Гумилевский) относили начало литературной деятельности Пахомия Логофета ко времени святителя Новгородского Ионы (1458—1470) (33, с. 154; 58, с. 112), ввиду чего В. О. Ключевский считал, что Пахомий поселился вначале в Москве (49, с. 119). Но это мнение ошибочно.

Еще И. Некрасов высказал предположение, что Пахомий до 1460 г. был в Нов-

городе, так как сам Пахомий в предисловии к Житию преподобного Варлаама Хутынского прямо указывает, что пришел в Новгород с Афона. Кроме того, о пребывании Пахомия в 1449—1457 гг. в Москве или в Троице-Сергиевой Лавре каких-либо сведений мы не имеем. Новгород же, безусловно, должен был привлекать Пахомия, как «самый важный пункт литературной деятельности, особенно же во время известного покровителя книжному делу (архиепископа Новгородского) Евфимия» (50, с. 41). (Правда, И. Некрасов при этом считал, что своим указанием на приход с Афона в Новгород Пахомий хочет лишь показать, «в каком важном для славянского, а, следовательно, и русского просвещения месте он жил».)

Определенную ясность в этот вопрос внес священник В. Яблонский (73, с. 13—15). На основании сравнительно-исторического анализа свидетельств самого Пахомия Логофета, приводимых им в Житии святителя Евфимия и в предисловии к Житию преподобного Варлаама Хутынского (написанных Пахомием в Новгороде), он сделал вывод: «Пахомий Серб приехал с Афона в Новгород, в Москву же он пришел уже из Новгорода. Вот почему в житиях, написанных в Москве и на Белозере, нет указаний на Афон, при наличии указаний на иноземное происхождение автора» (73, с. 15).

³ В «Повести о Ионе, архиепископе Новгородском» об этом сообщается следующим образом:

«Прииде же Московский князь в Великий Новъград Василей, сын Василев, и с ним сыновие его Георгии и Андрей мирно, и архиепископа [Иону] посещая, и дани своя приемля. Преже бо двократы при блаженнем Еуфимии ратию приходив беаше, тогда же миром прииде, и часто с архиепископом беседоваше и вся по прошенню его творяще князь...».

(Тогда же совершилось чудо исцеления отрока Григория Тумгена, постельничего великого князя Василя II, у святых мощей преподобного Варлаама Хутынского.)

«И сие умысли архиепископ Иона и вечная память вписати на увидение последним родовом, еже и сотвори, Пахомию тогда попу Сербину, от Святыя горы пришецу, живушу у него, книжным слогням искусну, сему повеле втсписати чудо сие преподобного Варлаама, одарив его множеством сребра, куны же и соболмя почтив зело Пахомна; повеле же и житие с похвальным словом и канон преподобному Варламу списати...; повеле же и каноны и жития списати и еще блаженныя княгини Олги..., и преподобному Саве, создавшему монастырь на Веше реке [то есть, Саве Вишерскому], и преж его бывшему архиепископу блаженному Еуфимию...» (22, с. 31).

⁴ По всей вероятности, это была церковь во имя святого великомученика Феодора Стратилата († 8 февраля 319), издревле почитаемого на Руси.

В период с 1240 до начала 90-х годов XIII в., вследствие татаро-монгольского нашествия, в Новгороде почти прекратилось строительство храмов (летописи упоминают за этот период о строительстве лишь трех, да и то деревянных церквей).

Возобновленное в самом конце XIII в., храмостроительство в Новгороде достигло наибольшего размаха в середине XIV в. Во второй половине XIV в. сложился классический тип новгородского храма, представленный церковью святого Феодора Стратилата на Ручье (на Торговой стороне), построенной в 1360—1361 гг. новгородским посадником Семеном Андреевичем.

В Новгороде существовала по меньшей мере еще одна церковь во имя святого Феодора Стратилата, возведенная в 1292—1294 гг. на Софийской стороне. Оба храма сохранились до наших дней (см. 83, с. 65—68; 117, с. 29, с. 34—35; 119, с. 86—87).

⁵ Святитель Фотий, Митрополит Киевский и всея Русн, был поставлен митрополитом 1 сентября 1408 года в Константинополе, Патриархом Константинопольским Матфеем (1397—1410) и через год прибыл в Киев.

С сентября 1409 по февраль 1410 года он занимался устройением церковных дел южных епархий Русской Церкви, входивших тогда в великое княжество Литовско-Русское. По примеру прежних русских митрополитов, перенесших свое местопребывание сначала во Владимир, а затем в Москву, святитель Фотий в день Святой Пасхи 1410 года прибыл в Москву.

«22 года подвизался Святитель († 2 июля 1431) в многотрудном служении Предстоятеля Русской Церкви. В тяжелых условиях войны, междоусобных браней, грабительских набегов татар он сумел высоко поднять духовное значение, материальную обеспеченность и благослесье храмов Московской кафедры... Стараниями святого митрополита Фотия было восстановлено молитвенно-каноническое единство Русской Церкви: отдельная Литовская митрополия, учрежденная по настояниям князя Витовта для южных и западных русских православных епархий, в 1420 году была упразднена... («Настольная книга священнослужителя», т. 3, М., 1979, с. 503).

Добавим, что митрополит Фотий своими посланиями 1416, 1422 и 1425 гг., обличающими ересь стригольников, распространившуюся в Новгороде, способствовал пресечению ереси; санкционировав отлучение еретиков от Церкви, он в то же время призвал к переубеждению еретиков и ограничивал гражданские санкции против них (см. 92, с. 121—124, 167—176).

⁶ Вот что сообщается о хиротонии святителя Евфимия в «Повести о Михаиле Клопском»: «Времени же мало прешедшу [после смерти Евфимия I Брататого, по пророчеству святого Михаила Клопского], возведен бысть на архирейский же престол блаженный, чудный Евфимий, иже последи велик чудотворец явися, якоже и до днесь самая того чудеса, паче трубы вопиюща, проповедают. Сему же чудному Евфимию возведену бывшу на престол, случи же ся тогда нестроение во граде: овни же от граждан прилежаху по древнему преданию Российским царем, глаголюще, яко от Владимира, святого царя нашего, сии суть владеющии нами; вельможи же града, все старейшины от научения дьявола хотяху Латыни приложитися и сих крало повиноватися. И тако нестроению велику сущу, и тогда блаженному Евфимию по совершившуся архирейства саном три лета*, в та же времена случися святому Евфимию приити во обитель святыея живоначалныя Троицы учреди братию. Егда же видоша в трапезу, Евфимий же лача молити святого, глаголя: моли, отче, Бога обо мне, да восприиму рукоположение от святейшего нашего митрополита Владимирскаго и всея Руси, по повелению самодержца и царя нашего Василия Васильевича. Блаженный же Михаил изменися духом пророчества и яко Саллос творящися, исторг убрус из рук блаженнаго Евфимия и возложи на свою главу, образом яко буй творящися, духом же пророческим вещаще, глаголя: Смоленского града достигнеш и тамо архирейства сан совершен приимши. Святому бо сия духом вещащу, Богу же слово блаженнаго в дело приводящу, Евфимий же ко граду Смоленску отходит и тамо архирейства сан восприемляше от митрополита Киевского Герасима, и паки ко обители приходит и святому поклоняется и благодарствне тому приносит, яко того ради молитв совершение сана прият. Святыи же любезно того приемлет и к славнейшему граду Москве ити тому повелевает, и в нем царствующаго благочестиваго царя Василия гнев на ся утолит. Архиепископ же по словесе святого паки пути емлется, и царствующий град Москву достигает, и царский гнев укроти, и от первопрестольника благословению и разрешению сподобляется...» (Из ркп. XVI в. библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря, № 632; цит. по: 22-б, с. 42—43).

Житие преподобного Михаила Клопского дошло до нас в 3-х редакциях. Поздняя редакция произведения точно датирована. Эта редакция написана сыном боярским Василием Михайловичем Тучковым по поручению митрополита Макария в 1537 г. для Великих Четьев Миней (см.: 103, с. 185).

Об изображении исторических лиц в Житии преподобного Михаила Клопского В. О. Ключевский писал: «Евфимий Брататый и преемник его Евфимий II, посадники Григорий Кириллович Посахно и Иван Васильевич Лошинский, Дмитрий Шемьяка... являются здесь с живыми чертами, с своими ежедневными отношениями» (49, с. 215—216).

⁷ В. Л. Янин датирует эту грамоту 1424 годом (98, с. 265), А. А. Зимин в своей рецензии возражает против подобной датировки, относя составление грамоты к периоду с 25 апреля по 28 сентября 1433 г. и до 20 марта 1434 г. («Советская археология», 1963, № 3, с. 275).

А. С. Хорошев подчеркивает, что в таком случае «священноничество» — это официальная титулатура владыки Евфимия до хиротонии, «а не показатель скромности» (128, с. 89).

В «Памятниках истории Великого Новгорода» (74, с. 34—35) «Договорная грамота Новгорода с великим князем Василием Васильевичем» датируется 1434 г. Грамота гласит: «По благословению преподобного священноинокка Евфимья, от посадника Ноугородского Михаила Ивановича, от тысяцкаго Новгородского Апанья Васильевича и от всего Великога Новагорода...» (74, с. 34). Между тем, в грамоте 1435 г. упомянуты новгородские посадники Офонас Федорович и Михаил Оканьич («Грамоты Великога Новгорода и Пскова», М.—Л., 1949, № 19). Возможно, речь идет о разных грамотах, этот вопрос требует выяснения.

⁸ «Повесть Симеона Суздальского...» издана в кн.: А. Павлов. Критические опыты по истории древней греко-русской полемике против латинян. СПб., 1878, с. 198—210.

Вторая редакция повести («Инокка Симеона иерея суздальца повесть, како римский папа Евгений состави осмый Собор с своими единомышленники») возникла

* Здесь неточность: святитель Евфимий оставался без посвящения не 3 года, а более 4-х лет; впрочем, в контексте речь идет о посещении святителем Клопского монастыря, которое могло быть и в 1431—1432 гг. — В. Н.

позднее 1440—1447 гг. под пером московских книжников, внесших некоторые изменения и дополнения, не посягающие, впрочем, на принципиальный характер. Издаю А. Н. Поповым в его книге «Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.)». М., 1875, с. 344—359.

⁹ Мы знаем из «Повести...», что впоследствии, в Смоленске, куда приехал затем иеромонах Симеон, он не нашел такого покровительства: смоленский князь Юрий Лугвенович, нарушив свое слово, заключил отца Симеона в оковы и выдал митрополиту Исидору, который держал его своим узником, пока не был низложен сам; освобожденный иеромонах Симеон ушел в Троице-Сергиеву Лавру, где, по мнению Л. В. Черепнина и Н. А. Казаковой, закончил свою «Повесть...» в 1447 году (129, с. 64; Л. В. Черепнин. К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии. — «Средние века», вып. 25, М., 1964, с. 178—179).

¹⁰ После долгого перерыва, в 1935—1936 гг. в Новгороде были проведены ремонтно-реставрационные работы, охватившие 17 памятников, в том числе Софийский собор, Грановитую палату и Евфимьевскую Часовню. В Грановитой палате произвели штукатурку внутренних и наружных стен, побелку фасадов; были устроены бетонный пол в коридоре и деревянный пол в западной комнате. На Часовне была восстановлена выветрившаяся часть штукатурки, произведена побелка наружных стен, ремонт и окраска крыши и шпиля (81, с. 131).

После окончания Великой Отечественной войны подобные работы в Новгороде проводились неоднократно и периодически возобновляются.

¹¹ Сотрудники Центральной научно-реставрационной мастерской архитектор М. Х. Алешковский и археолог А. В. Воробьев пришли к выводу, что Часовню святытеля Евфимия, рухнувшая в 1671 г., не сохранилась. Ныне существующую Часовню поставили через два года на новом месте. Проведенная в 1969—1970 гг. реконструкция Часовни закрепила ее более поздний облик (XVII в.) (119, с. 41).

¹² В конце XVI в. в Вязицком монастыре было четыре храма: во имя святытеля Николая Чудотворца, во имя святытеля Евфимия, архиепископа Новгородского, во имя святого апостола Иоанна Богослова и в честь Благовещения Богородицы. Они были вместе с другими новгородскими святынями «ограблены, разрушены и сожжены» шведами, во время шведско-польской интервенции в начале XVII в. (31, с. 88). В годы Великой Отечественной войны новгородские храмы подверглись варшавскому разрушению со стороны германских фашистов.

В послевоенные годы многие храмы восстановлены героическим трудом советского народа. В статье В. М. Дворянина, генерального директора объединения «Реставрация», сообщается о реставрации Вязицкого монастыря (1974—1978 гг.), помещены фотографии монастыря до и после реставрации. Здесь же сообщается, что к концу нынешней пятилетки намечено открыть специализированные реставрационные училища в Москве, Новгороде, Пскове и Томске (131, с. 47 и 50).

¹³ Преображенский собор в Старой Руссе был построен святытелем Евфимием на «старой основе» здания 1198 г. Храм был вторично перестроен в XVII в., но нижняя часть его стен (кладка 1442 года) осталась нетронутой; «по ней можно судить, что в 1442 г. были воспроизведены формы древней церкви» (81, с. 121).

См. также: Архимандрит Макарий. Описание г. Старой Руссы. 1865, с. 42—43.

¹⁴ В 1978 г. был создан новгородский отряд архитектурно-археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) АН СССР, который начал систематические раскопки памятников новгородского зодчества.

В 1979 году экспедиция ЛОИА провела раскопки вокруг Новгородской церкви Ивана на Опоках, а в 1980 г. у церкви Успения на Торгу. [Ранее, в 1952—1953 гг., подобные исследования и работы по консервации были проведены Новгородской специальной научно-реставрационной производственной мастерской. (См. 89, с. 6)]. Итоги раскопок позволили уточнить данные о процессе сложения новгородской архитектурной школы. Выяснилось, что церковь Ивана на Опоках, построенная в 1127—1130 гг., просуществовала относительно недолго и уже в конце XII в. была снесена, а на ее фундаменте возведена новая (в 1184 г.). При перестройке церкви в 1453 г. это новое здание (конца XII в.) и часть позднейшей постройки XIV в. были разобраны, на остатках их стен положен фундамент из одного ряда булыжников, а над ним — новая кладка стен (132, с. 39—40).

Церковь Успения на Торгу была реконструирована в 1458 г., когда на старое основание XII в. была поставлена новая церковь. Там, где кладка сохранилась достаточно прочной, стены XV в. поставлены прямо на стены XII в.; там же, где кладка оказалась более слабой (в западной стене), на нее, под стену XV в. был подведен ряд валунов, как своеобразный фундамент. Перестройка производилась с учетом уже существующих пристроек XIV в. В кладке 1458 г. в большом количестве использованы плинфы, а местами даже целые блоки кладки первоначальной

постройки. В последующие века церковь претерпела значительные изменения, о чем свидетельствуют четырехскатная кровля и барабан XVII в., колокольня XIX в. и другие детали. В настоящее время северная и западная пристройки, а также колокольня снесены (132, с. 42).

В 1981 г. проводились раскопки у церкви Ильи на Славие, под руководством Л. Н. Большакова. Раскопки подтвердили, что церковь, построенная в 1198—1202 гг., была полностью перестроена в 1455 г. При этом кладка XV в. была положена непосредственно на древние стены и полностью совпала с ними. «Это дает основания полагать, что план церкви XV в. достаточно точно соответствует плану древнего храма» (133, с. 194).

¹⁵ До нас дошли ковш (Москва, Оружейная палата), тарел и сосуд для освященного хлеба (панагир) (Новгородский гос. музей) 1435 года, сделанные по заказу святителя Евфимия. Особую художественную ценность представляет панагир: две скрепленные друг с другом тарелки на высокой подставке с четырьмя колени-преложенными ангелами, которые поддерживают тарелки руками. Ангелы стоят на четырех львах, под которыми — восьмилепестковый поддон с бордюром в виде готических трилистников (восьмь лепестков символизировали вечность). Верхнюю створку тарелки украшает композиция на тему «Вознесения Христа». Вокруг нее надпись: «В лета 6000-ное 9 сотное 44-е индикта 14 мся сентября 14 днь на възнесе-женье чстного крста створена быс панаги си повелением пресвищго архиеписпа Великого Нова город влди Еоуфимия при великом кизе Василье Васильевич всея Роуен, при кизе Юрье Лоувеньевич, при посаднике Велика Нова город Борисе Юрьевич, при тысяцком Дмитрее Васильевич, а мастер Иван» (104-б, с. 298; 105, с. 50).

Интересно расположение ангелов на панагире, как бы расластанных по мнимому цилиндру, так что их ноги никогда не обращены к нему перпендикулярно. Складки платья имеют характер параллельных штрихов и как в них, так и в структуре несколько готических лиц, сказывается уже влияние иконописи. Новгород, таким образом, взяв западный мотив, стал создателем особого чисто русского «иконописного рельефа» (79, с. 81).

В духовной грамоте XVI в. угличкого князя Дмитрия Ивановича по прозванию Жилка (сына Ивана III) в числе 90 серебряных ковшей, принадлежавших новгородским архиепископам (вывезены из Новгорода после 1480 года) упоминается 15 поднесенных ковшей святителя Евфимия («ковш гладок, а внутри писано имя Гоуфимьева»), один из них весом в 16 фунтов с «образной» на ручке и четырьмя кругами, в которых «писаны царства» (105, с. 56).

См. также: «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». М.—Л., 1950, с. 411—413.

¹⁶ Л. Е. Белякин в своем «Описании Новгородского Софийского собора...». М., 1862, с. 28—29, датирует это чудесное происшествие 4 октября 1436 года. Современная исследователь А. С. Хорошев (128, с. 91), не указывая источников, придерживаясь этой же даты. Между тем, летописи сообщают об обретении мощей святителя Иоанна под 6947 (1439) годом (3, с. 112—113, I Новг. лет.; 3, с. 183, прибавл. к II Новг. лет. и др.). На 1439 год указывает и протоперей П. П. Тихомиров, автор монографии «Кафедра Новгородских святителей...» (62, с. 256).

¹⁷ Житие святителя Иоанна, архиепископа Новгородского, в большинстве дошедших до нас списков состоит из трех частей: рассказа о чуде иконы «Знамения» Преподобной Богородицы («Сказание о битве новгородцев с суздальцами»), «Сказания о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим» и «Сказания об обретении мощей Иоанна» («О проявлении мощей святого Иоанна»). К этим трем эпизодам часто присоединяется «Сказание о Благовещенской церкви» (о построении церкви святителем Иоанном и его братом Григорием-Гавриилом).

Мотив зачатого крестом и служащего человеку беса, отмечает Л. А. Дмитриев, нашел отражение в повести П. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством», «совпадения Гоголя с идеями об Иоанне Новгородском свидетельствуют о сюжетности, литературной занимательности «Слова о путешествии Иоанна Новгородского» (113, с. 160).

¹⁸ Икона Аарона «Архангел Гавриил» поступила во Всесоюзную центральную научно-исследовательскую лабораторию по консервации и реставрации музейных ценностей в конце 1964 года.

Приведенная надпись на иконе с 1528 года была закрыта серебряным вызолоченным окладом. Не этим ли объясняется неизвестность автора иконы, которого, судя по письму, можно считать выдающимся мастером?

Художник, Аарон судящими средствами выразил легкое, парящее движение архангела... Нежность ритма, предельная чистота цвета выгодно выделяют художника

Аарона как большого колориста и незаурядного мастера новгородской школы живописи первой половины XV века. Только полное раскрытие из-под позднейших записей всех пяти средних икон денусового чина может создать более полное представление об индивидуальных особенностях досель неизвестного художника Аарона и, возможно, позволит выявить «руку» других «товарищей», работавших с ним в одной дружине» (104, с. 68).

¹⁹ Распространенная редакция Жития преподобного Варлаама Хутынского является сводом, объединившим Пахомиевскую редакцию Жития со всеми рассказами о преподобном Варлааме, большая часть которых возникла впоследствии (вплоть до середины XVI в.). В конце рассказа о «смотрешии» мошей преподобного Варлаама Хутынского сообщается, что иподьякон Иоанн Караман (в монашестве Иона) скончался в 1526 г. «в старосте глубоче» и был погребен в Хутынском монастыре.

Основной список распространенной редакции Жития преподобного Варлаама Хутынского находится в отделе рукописей ГПБ, Ф. I. 730. (См. также: ГИМ, собр. Шукина, № 440 (XVII в.); ГБЛ, собр. Оптиной пустыни, № 227 (XIX в.); ГПБ, собр. Погодина, № 650 (XVII в.); ГИМ, Музейское собр. № 1347 (XVII в.) и др.).

²⁰ «Скрытность, с которой осматривалась могила Варлаама Евфимием II, могла привести к тому, что предание об этом факте сохранялось у очень немногих и оно не был своевременно зафиксировано письменно» (103, с. 58). По преданию, в 1471 г. великий князь Иван III Васильевич, находясь в Новгороде, дерзнул вскрыть гробницу преподобного Варлаама Хутынского без подобающего благоговения. Когда сняли плиту с могилы и стали копать землю, внезапно повалил дым, и Иван III в страхе покинул монастырь.

«И вот уже после легенды об Иване Васильевиче, для того, чтобы рассеять всякие сомнения, записывается со ссылкой на единственного очевидца, оставшегося в живых, бывшего иподьякона Иоанна Карамана, вероятно, самого древнего старца монастыря, предание об освидетельствовании мошей Варлаама архиепископом Евфимием» (103, с. 58).

²¹ Впоследствии, в период между Собором 1549 г. и учреждением Святейшего Синода при Петре I, были канонизированы еще два новгородских архиепископа: святитель Геннадий († 1505) и святитель Пимен († 1571).

См.: 70, с. 157.

²² По мнению академика А. А. Шахматова, новгородское летописание можно считать едва ли не древнейшим на Руси. Новгородская первая летопись младшего извода отразила более ранний, чем киевская «Повесть временных лет» (XII в.), летописный свод, который А. А. Шахматов предложил назвать «Начальным сводом» (около 1095 г.)

См. 127, с. 64—67.

²³ Я. С. Лурье, развивая гипотезу М. Д. Приселкова, пришел к заключению, что летописный свод 1448 года представляет переработку московского свода митрополита Киприана (1408 г.); он является общерусским летописным сводом, который составлен при митрополичьем дворе в Москве в конце 40-х годов XV века (Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 67—121).

В более поздней (и более популярной) работе «Литература второй половины XV века» (127, с. 250—286), рассматривая свод 1448 г. в разделе «Летописные своды XV века» (127, с. 253—261), Я. С. Лурье вопрос о месте создания этого свода оставляет открытым.

²⁴ Рукописные уставы XVI в. называют автором службы святителю Евфимию Пахомия Логофета (ркп. Софийской библиот. № 1137, л. 134).

Служба святителю Евфимию написана Пахомием, вероятно, в то же время, когда составлено житие, т. е. во 2-й период пребывания Пахомия в Новгороде (конец 1459 — начало 1462 гг.).

Списки службы довольно многочисленны. Старший и сравнительно исправный из списков в рукописи Казанской духовной академии, — Солов. собр. № 616 (518); довольно исправен и список в ркп. Соф. библиот. № 409.

Служба вошла в печатные Минен, изд. СПб. Синод. типогр., 1895, март, лл. 50—55.

См. 73, с. 169—171.

В мартовской Минее служебной, подаренной Иваном Грозным († 1584) Соловецкому монастырю, имеется служба святителю Евфимию (отд. ркп. ГПБ. Соловецкое собрание № 527/574, ед. хр. 4; см.: «Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание». Л., 1982, с. 42).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Русская летопись с Воскресенского списка. СПб., 1793.
2. Софійскій временник. Ч. I и II. М., 1820.
3. Три Новгородские летописи (I-я, II-я и III-я).— «Полное собрание русских летописей» (далее ПСРЛ), т. 3. СПб., 1841.
4. Четвертая Новгородская летопись.— ПСРЛ, т. 4. СПб., 1848.
5. Псковская летопись.— Там же (I-е издание: М., 1836).
6. Софійская I-я летопись.— ПСРЛ, т. 5. СПб., 1851.
7. Новгородские II-я и III-я летописи.— СПб., 1879.
8. Новгородская IV-я летопись. 2-е изд., вып. 1.— ПСРЛ, т. 4, ч. 1. Пг., 1915.
9. Новгородская IV-я летопись. 2-е изд., вып. 2.— ПСРЛ, т. 4, ч. 1. Л., 1925.
10. Новгородская (I-я) летопись по Синодалыи, хараетейному списку. СПб., 1888.
11. Новгородская I-я летопись старшего и младшего изводов. М.— Л., 1950.
12. Псковские летописи. Под ред. А. Н. Насонова. Вып. 1. М.— Л., 1941.
13. Новгородская (II-я) архивная летопись.— ПСРЛ, т. 30. М., 1965, с. 147—205.
14. Владимирский летописец.— Там же, с. 7—146.
15. Вольнская краткая летопись.— ПСРЛ, т. 35. М., 1980, с. 118—127.
16. *Аристов Н. Я.*, проф. Первые времена христианства в России по церковно-историческому содержанию русских летописей. СПб., 1888.
17. *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908 (о новгородских летописях: главы 6—11, 15, 19, 20).
18. *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.— Л., 1938. (Синодальный список I-й Новгородской летописи: с. 128—132; Комиссионный список I-й Новгородской летописи: с. 161—172; Троицкий список Новгородской I-й летописи: с. 173—175; Академический список Новгородской I-й летописи: с. 176—181; Новгородская IV-я летопись: с. 182—188; Карамзинский список Новгородской летописи: с. 189—195; Новгородская V-я летопись: с. 196—207; Летописный свод 1448 года: с. 151—160).
19. *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947 (о Новгородских летописях: с. 202—215, 308—320, 440—453).
20. *Азбелев С. Н.* Новгородская III-я летопись. Время и обстоятельства возникновения.— Институт русской литературы. Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ), т. XII, 1956, с. 236—262.
21. Житие иже во святых отца нашего Преосвященного архиепископа Великого Новаграда Владыки Евфимия. Рукопись конца XVI—начала XVII в. в сборнике житий.— Отдел ркп. ГБЛ, ф. № 256 графов Румянцевых, ед. хр. № 154, лл. 395—419.
22. Житие иже во Вяжиха нашего преосвященного архиепископа Великого Новаграда Владыки Евфимия.— Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 4. Повести религиозного содержания, древние поучения и послания, извлеченные из рукописей Николаем Костомаровым. СПб., 1862, с. 16—26.
- 22 а. Повесть о Ионе, архиепископе Новгородском.— Там же, с. 27—35.
- 22 б. Повесть о Михаиле Клопском.— Там же, с. 36—51. [См. также: 87.]
23. Житие св. Евфимия, архиепископа Новгородского. СПб., 1869.
24. Житие св. Евфимия, архиепископа Новгородского. СПб., издание журнала «Мирской вестник», 1875.
25. Житие иже во святых отца нашего Евфимия, архиепископа Новгородского, чудотворца. Изд. 2-е. Новгород, 1887. (Молитва святителю Христову Евфимию, архиепископу Новгородскому, чудотворцу: с. 41—43.)
26. Евфимий св., архиепископ Новгородский.— «Православная Богословская Энциклопедия». Под ред. проф. А. П. Лопухина. Т. V, СПб., 1904, с. 258—260.
27. Память святого отца нашего Евфимия, архиепископа Новгородского.— «Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Честных-Миней св. Димитрия Ростовского, с дополнениями, объяснительными примечаниями и изображениями святых. Месяц март. Книга 7-я. М., 1906, с. 252—257.
28. Служба и житие иже во святых отца нашего Евфимия, архиепископа Новгородского, чудотворца. Изд. редакции журнала «Кронштадтский маяк», СПб., 1907 (служба св. Евфимию: с. 3—22; житие св. Евфимия: с. 23—40; молитва св. Евфимию: с. 42—43).
29. *Уржумцев П. В.*, кандидат богословия. Св. Евфимий, архиепископ Новгородский.— «Журнал Московской Патриархии», 1958, № 4, с. 60—63.
30. Святитель Евфимий, архиепископ Новгородский.— «Настольная книга священнослужителя», т. 3, издание Московской Патриархии, 1979, с. 58—60.
31. *Евг. Болховитинов.* Исторические разговоры о древностях Великого Новаграда. М., 1808.

32. Карамзин И. М. История государства Российского. Т. V. СПб., 1817; т. VI. СПб., 1819.
33. [Митрополит Евгений (Болховитинов).] Словарь исторический о бывших в России писателях духовнаго чина Греко-Российской Церкви». Т. II, изд. 2. СПб., 1827.
34. Митрополит Евгений (Болховитинов). История княжества Псковского. Киев, 1831.
35. Словарь исторический о Святых, прославленных в Российской Церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1836.
36. Акты Археографической Экспедиции, тт. I—IV. СПб., 1836—1838.
37. Акты Исторические, собранные и изданные Археографической Комиссией, тт. I—V. СПб., 1841—1843.
38. Краткое историческое описание святыни повгородской. СПб., 1850.
39. Толмакин Р. Великоновгородская святительская кафедра в историческом значении. СПб., 1851.
40. Муравьев А. П. Жития святых Российской Церкви. Также Иверских и славянских и местно чтимых подвижников благочестия. Тт. 1—18. СПб., 1855—1868.
41. Архимандрит Макарий. Описание Новгородского архиерейск. дома. СПб., 1857.
42. Курбизов П. Обзорные пергаменные рукописи Новгородской Софийской библиотеки. СПб., 1857.
43. Горский А. и Певоструев К. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М., 1859.
44. Архимандрит Макарий (Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Тт. I—II. М., 1860.
45. Костомаров Н. П. О значении Великого Новгорода в русской истории (публично читано в Новгороде 30 апреля 1861 г.).— «Собрание сочинений». Кн. 1-я, т. I. СПб., 1906, с. 199—214.
46. Белякин Л. Е. Описание Новгородского Софийского собора, основанное на examination древних летописцев. М., 1862.
47. Филарет, архиепископ Черниговский. Русские святые, чтимые всю Церковью или местночтимые. Изд. 2-е. Кн. 1. Чернигов, 1865.
48. История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. — Рассказана на русской истории. Сочинение Ивана Беляева. Кн. 2-я. Изд. 2-е. М., 1866.
49. Ключевский В. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
50. Некрасов Иван. Пахомий Серб, писатель XV века.— «Записки Императорского Новороссийского университета». Т. VI. Одесса, 1871, с. 1—99.
51. Никитский А. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873.
52. Житие преподобного Михаила Клоцкого. 1875.
53. Никитский А. Очерк внутренней истории Церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879.
54. Костомаров Н. П. Рецензия на: А. Никитский. Очерк.. СПб., 1879. Отд. отт.
55. Срезневский П. П. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1882.
56. Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. [Приведены в порядок и изданы под редакцией акад. А. Ф. Бычкова]. СПб., 1882.
57. Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Тт. I—VI. СПб., 1857—1870; т. VII, 1891.
58. Архиепископ Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. Кн. 1. Изд. 3-е. СПб., 1884.
59. Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский. История Русской Церкви. Первые три столетия, от разделения митрополии до учреждения патриаршества (1410—1588). М., 1888.
60. Подегас Н. Труды митрополита Киевского Евгения Болховитинова по истории Русской Церкви. Казань, 1889.
61. Архимандрит Леонид (Кавелин). Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII в.) обще и местно чтимых. СПб., 1891.
62. Протоиерей П. П. Тихомиров. Кафедра Новгородских святителей со времени введения христианства в Новгороде до покорения его Московской державе. Т. I. Новгород, 1891.
63. Васильев Василий. История канонизации русских святых. М., 1893.
64. Исторические очерки Крещения Руси, присоединение Новгорода и жизнедеятельность преподобного Сергия. Составил М. Ф. Писенин. Казань, 1894.
65. Здравомыслов К. Я. Иерархи Новгородской епархии от древних времен до настоящего времени. Новгород, 1897.
66. Великие Мисии Четвы. Ноябрь. СПб., 1897.

67. *Бриллиантов С.* Заслуги духовенства в древний период русской истории (от Владимира Святого до Иоанна Грозного). Саратов, 1900.
68. Архиепископ *Сергий* (Спасский). Полный Месяцеслов Востока. Т. I. Изд. 2-е исправленное и много дополненное. Владимир, 1901.
69. *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Изд. 2. Тт. I—II. М., 1901.
70. *Голубинский Е. Е.* История каиноизации святых в Русской Церкви. М., 1903.
71. Архимандрит *Никодим*. Святые Новгородского края и вопрос о церковно-народном их почитании в современной исторической литературе. (Агиологические заметки).— «Новгородские епархиальные ведомости», 1903, № 18, с. 1072—1078.
72. *Родников В. П.* Духовенство и политические партии в древнем Новгороде. Киев, 1907 (оттиск из сборника «Труды Киевской Духовной Академии», 1907, кн. 7).
73. Священник *В. Яблонский*. Пахомий Серб и его агрографические писания. Бюрографический и библиографический-литературный очерк. СПб., 1908.
74. Памятники истории Великого Новгорода. (В серии: Памятники русской истории). Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909.
75. *Гневушев А. А.* Господин Великий Новгород.— В книге: «Русская история в очерках и статьях». Т. I, М., 1912.
76. *Гедевский А. В.* Историческая справка о монастырях Новгородских.— «Труды Новгородского церковно-археологического общества», т. I, Новгород, 1914.
77. *Покровский А. А.* Древнее псково-новгородское письменное наследие.— «Труды XV Археологического съезда», т. II, 1916.
78. *Платонов С. Ф.* Вече в Великом Новгороде. Новгород, 1916.
79. *Некрасов А. И.*, проф. Великий Новгород и его художественная жизнь. М., 1924.
80. *Романов К. К.* Псков, Новгород и Москва в их культурно-художественных взаимоотношениях.— «Известия Российской Академии истории материальной культуры». Т. IV, Л., 1925, с. 209—241.
81. *Дмитриев Ю. Н.* К истории новгородской архитектуры.— «Новгородский исторический сборник». Вып. 2. Под общей редакцией акад. Б. Д. Грекова. Л., 1937, с. 116—123.
82. *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.
83. *Каргер М.* Новгород Великий. М., 1946.
84. *Лазарев В. Н.* Искусство Новгорода. М.— Л., 1947.
85. *Порфиридов Н. Г.* Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI—XV вв. М.— Л., 1947.
86. *Клейнберг И. Э.* Военно-морские действия новгородцев при отражении орденской агрессии 1443—1448 гг.— «История СССР», 1958, № 4.
87. Повести о житии Михаила Клопского. Подготовка текстов и статей Л. А. Дмитриева. М.— Л., 1958.
88. *Лихачев Д. С.* Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М., 1959.
89. *Гладенко Т. В.* Памятники архитектуры Новгорода. Церковь Иоанна на Опоках. Новгород, 1959.
90. Новгород в русской литературе XVIII—XX веков. Составил А. З. Жаворонков. Новгород, 1959.
91. *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X—XV веках. М.— Л., 1959.
92. *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв. М., 1960.
93. *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.
94. *Греков Б. Д.* Новгородский Дом Святой Софии. Избранные труды, т. IV, М., 1960, с. 5—338.
95. *Прохоров Евгений.* Новгородская епархия в домонгольский период. Курсовое сочинение по кафедре истории Русской Церкви. Ркп. Троице-Сергиева Лавра, Московская Духовная Академия, 1960.
96. *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.— Л., 1961.
97. *Каргер М. К.* Новгород Великий. М.— Л., 1961.
98. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962.
99. *Лихачев Д. С.* Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.). М.— Л., 1962.
100. *Тихомиров М. Н.* Великий Новгород в истории мировой культуры.— В сборнике статей: «Новгород. К 1100-летию города». М., 1964, с. 23—37.
101. *Тагищев В. Н.* История Российская в семи томах. Т. V. М.— Л., 1965.
102. *Тихомиров М. Н.*, акад. Средневековая Россия на международных путях (XIV—XV вв.). М., 1966.

103. *Карамзин Н. М.* Избранные произведения. М., 1966.
104. *Филатов В. В.* Иконостас Новгородского Софийского собора.— В кн.: «Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода». М., 1968, с. 63—82.
- 104 а. *Рындина А. В.* Особенности сложения иконографии в древнерусской мелкой пластике.— Там же, с. 223—236.
- 104 б. *Бочаров Г. Н.* Торевтика Великого Новгорода XII—XV веков.— Там же, с. 267—306.
105. *Бочаров Г. Н.* Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969.
106. *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура. М., 1970.
107. *Брук Л. Я.* Золотой век Великого Новгорода.— В книге: Живое наследие. Беседы о древнерусской живописи, М., 1970, с. 55—64.
108. *Косточкин В.* Тропой легендарного Тривора. М., 1971.
109. *Хорошев А. С.* Из истории борьбы Новгорода против Москвы (местная канонизация 30—40 годов XV в.).— «Вестник Московского университета», серия IX. История. 1971, № 6, ноябрь—декабрь, с. 54—61.
110. Священник *Георгий Подгорнов.* История Новгородской епархии от татаро-монгольского нашествия до Синодального периода. Курсовое сочинение по кафедре истории Русской Церкви. Ркп. Троице-Сергиева Лавра, Московская Духовная Академия, 1972.
111. *Водовозов Н. В.* История древней русской литературы. М., 1972.
112. *Казакова Н. А.* Даняя и Новгород в 20-х годах XV века — Скандинавский сборник. Вып. XVII. Таллин, 1972.
113. *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973.
114. Хрестоматия по древней русской литературе. Сост. Н. К. Гудзий. М., 1973.
115. *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973.
116. *Голенищев-Кутузов И. Н.* Славянские литературы. М., 1973.
117. Новгород. Памятники архитектуры XI—XVII веков. Автор вступительной статьи и составитель альбома М. К. Каргер. Л., 1975.
118. *Тяжелов В. и Сопоцинский О.* Искусство средних веков. В серии: Малая история искусств. М., 1975.
119. Новгород. Путеводитель. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Составитель В. В. Горнин. Л., 1975.
120. *Горский А. В.*, проф. История Русской Церкви.— «Журнал Московской Патриархии», 1976, № 1, с. 62—70; там же, 1976, № 2, с. 61—70; № 3, с. 68—76; № 4, с. 69—76.
121. *Янин В. Л.* «Семисоборная роспись» Новгорода.— В сборнике статей «Средневековая Русь», М., 1976, с. 108—117.
122. *Поппэ А. В.* К истории романских дверей Софии Новгородской.— Там же, с. 191—200.
123. *Горнин В. В.* Ярославово двориче и древний Торг. Л., 1976.
124. Археологическое изучение Новгорода. Сб. статей под общей редакцией Б. А. Колчина и В. Л. Янина. М., 1978.
125. *Никитин В. А.* У древних святынь Новгорода.— «Журнал Московской Патриархии», 1979, № 7, с. 5—7.
126. *Киреевский И. В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России.— В книге: И. В. Киреевский. Критика и эстетика. М., 1979, с. 248—293.
127. История русской литературы X—XVII веков. Под редакцией Д. С. Лихачева. М., 1980.
128. *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., изд. МГУ, 1980.
129. *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. Из истории международных культурных связей России. Л., 1980.
130. *Творогов О. В.* Литература Древней Руси. М., 1981.
131. *Дворяшин В. М.* Рубежи пятилеток. (О реставрации Вяжицкого монастыря).— «Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры». М., 1981, № 1, с. 43—52.
132. *Пескова А. А., Раппопорт П. А. и Штендер Г. М.* К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы.— «Советская археология», 1982, № 3, с. 35—46.
133. *Раппопорт П. А.* Археологические исследования памятников древнего Новгородского зодчества.— «Новгородский исторический сборник». Вып. I (XI). Л., Институт истории АН СССР, изд. «Наука», 1982, с. 189—202.